

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

НАВСТРЕЧУ ХРИСТУ



СБОРНИК СТАТЕЙ

Александр Мень

Навстречу Христу. Сборник статей

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2009

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Навстречу Христу. Сборник статей / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня», 2009

ISBN 978-6-903612-27-7

Настоящий сборник включает статьи и рецензии, опубликованные в «Журнале Московской патриархии» и «Богословских трудах» 1959–1987 гг.

УДК 2
ББК 86

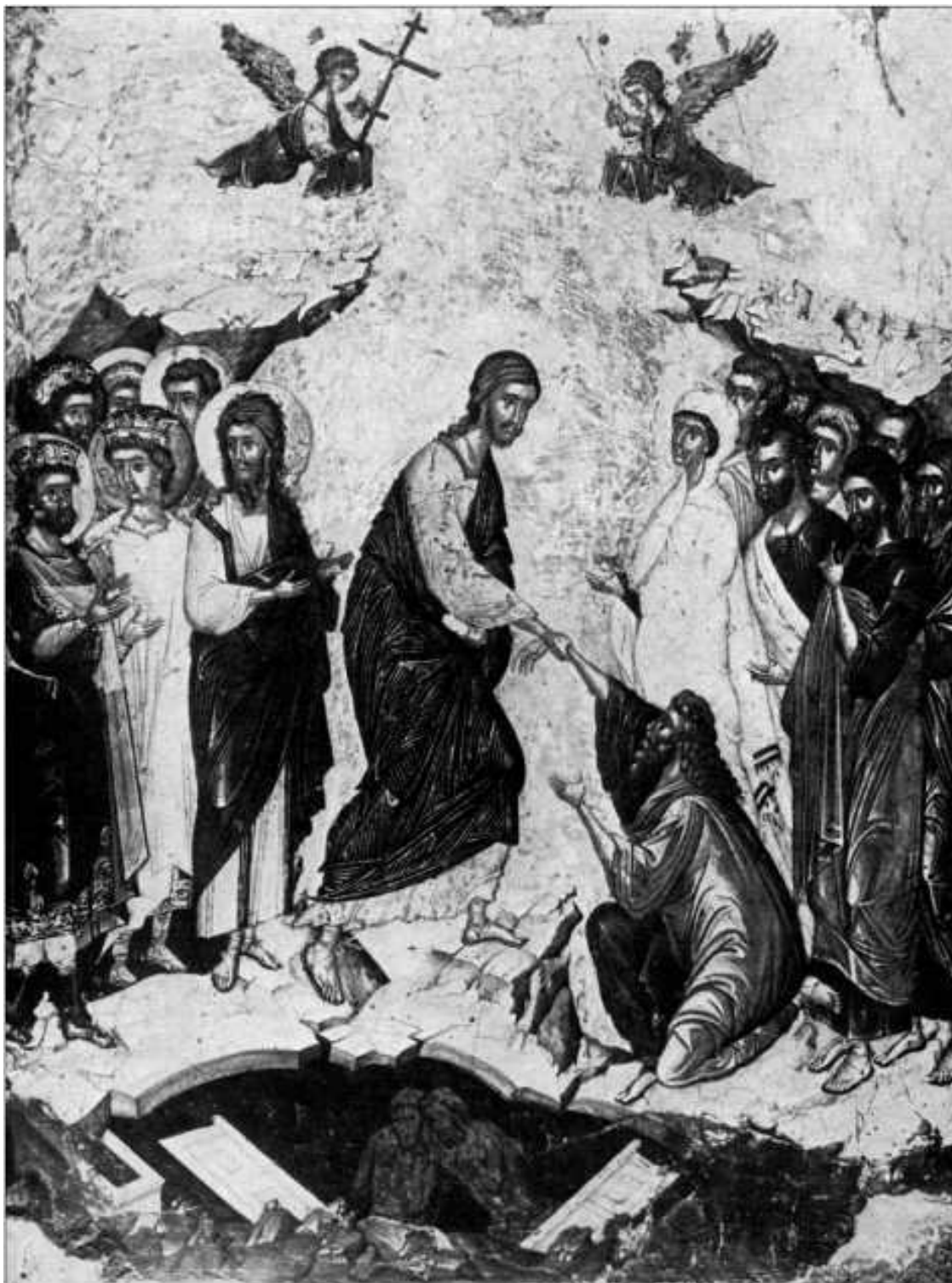
ISBN 978-6-903612-27-7

© Мень А., 2009
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2009

Содержание

Поэзия св. Григория Богослова	7
Назарет – колыбель христианства	18
На пороге Нового Года	23
Се Аз с вами...	26
Фавор и Голгофа	30
В молитвах Неусыпающая	35
Крест	42
Святое святых	46
Навстречу христу	50
Спасение миру	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Протоиерей Александр Мень **Навстречу Христу. Сборник статей**



Издательство благодарит Марину Насонову за подготовку текста к настоящему изданию, Юрия Мовчуна за эскиз обложки и Софью Рукову за фотографию.

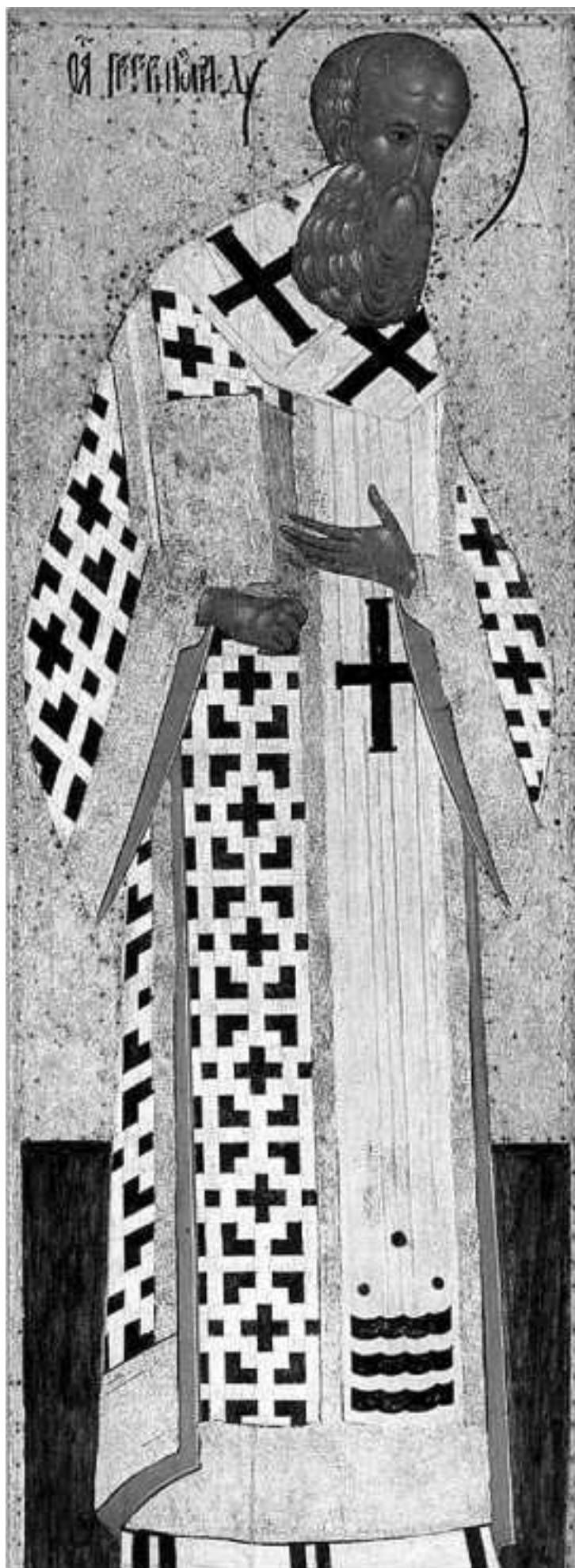


Редакционная коллегия: *Наталия Григоренко, Павел Мень*

Поэзия св. Григория Богослова



Св. Григорий Богослов и его великие современники – учителя Церкви, борцы за Православие, пастыри, писатели, литургисты, подвижники – оставили великое литературное наследство, ставшее одним из краеугольных камней христианской культуры. Св. Григорий Богослов выделяется еще тем, что явился, наряду со св. Ефремом Сирином, одним из основателей христианской поэзии. Не только его многочисленные стихи, но и большинство проповедей представляют собой высокопоэтические произведения. Общеизвестно, что многие наши рождественские и пасхальные песнопения построены на основе его праздничных речей («Христос рождается», «Воскресения день»).



Св. Григорий Богослов
Дионисий, 1502 г.(Ферапонтов монастырь)

Эпоху, к которой принадлежал св. Григорий, нередко называют «золотым веком христианства». Молодая Церковь, закаленная трехвековой борьбой с язычеством, получила благодаря Миланскому эдикту возможность пользоваться многими льготами и правами. Но здесь был не конец, а начало испытаний. Языческое общество принесло в христианскую среду свои пороки, обычаи, предрассудки. В Церковь стали приходить люди, движимые не столько верой, сколько стремлением угодить императору и общественному мнению. В результате понизился общий духовно-нравственный уровень христианских масс. Именно в такие периоды происходят колебания в сфере догматической, в сфере вероучения. Идеи античных философов и восточных мыслителей не только помогали богословам в уяснении догматических истин, но и стали порождать различные уклонения, выразившиеся в форме ересей.

Из последних наибольшую роль сыграло арианство. Это учение упрощало, обедняло и искажало самую сущность христианства, фактически отрицая Боговоплощение, то есть новый завет неба и земли, основанный Иисусом Христом, неправильно понимая Троиединство Бога. Вряд ли сам Арий отчетливо сознавал, каково было значение Христа и Его явления на земле; но основная мысль арианства – невозможность Богочеловечества, то есть реального и живого единства Бога и человека – имела успех потому, что была проще для понимания. Мысль эта жила впоследствии во всех крупных ересь (несторианстве, монофизитстве, монофелитстве и др.).

Церковь в лице Первого Вселенского Собора (325 г.) бесповоротно осудила арианство, и в созданном тогда Символе веры Спаситель был назван «Единосущным» Богу, то есть равным с Ним в Сущности. Это было торжество идеи Боговоплощения.

Но вскоре римские императоры стали поощрять ересь. Православных епископов начали принуждать подписывать арианские символы. Несогласных арестовывали и ссылали. Временами могло казаться, что дело Православия защищали только св. Афанасий Великий и монахи, которые в это время начали селиться в египетских пустынях. Св. Афанасий знал, что истина не зависит от числа приверженцев той или иной стороны. Он смело шел один против всех, отстаивая Православие.

Когда умер св. Афанасий (373 г.), знамя Православия на Востоке перешло в руки св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Этот святитель все свои силы и разносторонние дарования отдал делу борьбы за единство Церкви и защите ее интересов против ариан. Мечтой св. Василия, по его словам, было «всю Церковь под солнцем собрать воедино». Но этому особенно препятствовали разнообразные раскольники. И вот на помощь Василию Великому спешит его друг – Григорий Богослов. К сожалению, св. Василий не смог по-настоящему воспользоваться этой помощью. Он поставил св. Григория епископом, что вначале не только не принесло пользы, но привело к печальному недоразумению между друзьями. Однако с этого момента св. Григорий вступил на трудное поприще церковно-общественной жизни.

* * *

Св. Григорий был человеком совсем иного склада, чем св. Василий. Он никогда не любил шумных городов и многолюдных собраний, общественная деятельность была чужда ему, с детства полюбившему уединение и науку. И тем более велик его подвиг, что, невзирая на все это, исключительно ради пользы Церкви, он шел на все, вплоть до принятия Константинопольской кафедры.

Св. Григорий всегда чувствовал себя посвященным Богу. Еще мать его дала такой обет перед его рождением. Второе его посвящение произошло под шум морских волн и раскаты грома, когда он плыл на корабле в Грецию, где его ожидал Афинский университет. Почти месяц носила их буря по волнам Средиземного моря.

Земля, море, эфир, омраченное небо —
все слилось в одну ночь.
На удары молний отзывались громы,
плескались канаты
у надутых ветрил,
мачта гнулась, кормило потеряло свою силу,
и ручку руля насильно вырывало из рук,
вода стеною стояла над кораблем
и наполняла его подводную часть.
Смешались плачевные крики корабельных
служителей, начальников, хозяев
корабля, путешественников,
которые все, даже и не знавшие прежде Бога,
единогласно призывали Христа...¹

Для св. Григория то было ужасное испытание. Не смерть пугала его. Его страшило, что он еще не крещен, что «убийственные воды лишат его вод очистительных». И тогда-то св. Григорий обратился с пламенной молитвой к Богу.

«Твой я был прежде, Твой и теперь.
Ты двукратно примешь меня как одно
из дорогих для Тебя достояний, как дар
суши и моря, очищенный материнским
обетом и чрезмерным страхом»².

С такими чувствами и настроениями юноша высадился в Элладе. Здесь ждали его науки, которые он уже начал изучать в Кесарии, Сирии, Александрии. На склоне лет, вспоминая свою юность, св. Григорий писал в стихотворении «О себе самом», что его никогда не привлекали роскошь, почести, семейное счастье.

Одна слава была для меня приятна —
отличаться познаниями,
какие собрали Восток и Запад
и краса Эллады – Афины;
над сим я трудился много и долгое время.
Но все сии познания, повергнув долу,
положил я к стопам Христовым³.

¹ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. В 2 т. СПб: Изд-во Сойкина П.П., б.г. Т.П. С. 353.

² Там же. С. 354.

³ Там же. С. 54.

Афинский университет давал своим студентам всестороннее образование. Св. Григорий изучал там не только модную в те времена риторику, но также грамматику, историю, поэзию, геометрию и астрономию. Поэтому во всех своих произведениях он предстает перед нами не только как художник слова или святой, умудренный духовным опытом, но и как человек большой культуры и энциклопедических знаний.

Но самым дорогим приобретением в эти годы св. Григорий считал дружбу с Василием Великим, который тоже проходил в Афинах курс наук. В одной поэме св. Григорий вспоминает:

Василий – великое приобретение
для настоящего века.
С ним вместе мы учились, и жили,
и размышляли.
Если должно похвалиться,
то я составлял с ним чету,
не бесчестную для Эллады.
У нас было все общее,
и одна душа в обоих связывала то,
что разделяли тела.
А что преимущественно нас соединяло,
так это Бог и стремление к совершенству⁴.

Как и следовало ожидать, друзья скоро разочаровались в Афинах. Студенты вели здесь праздный и беспорядочный образ жизни, больше посещая зрелища, нежели академию. Среди них было много язычников, и общее увлечение античностью накладывало сугубо языческий отпечаток на дух города и школы. Среди студентов был и Юлиан, которому суждено было вскоре стать императором и который известен в истории неудачной попыткой возродить языческую религию. За год до его воцарения (361) друзья покинули Афины.

Второй их школой явилась пустыня. Среди суровых Понтийских скал, над пропастью, в которую с угрюмым ревом низвергался водопад, приютилась хижина, которую соорудил св. Василий. Св. Григорий вскоре прибыл туда. До конца своих дней он считал это время лучшим в жизни. Много трудностей и непривычных тягот пришлось испытать молодым подвижникам, не приспособленным к подобному образу жизни. Но горячая любовь к Богу и юношеский энтузиазм преодолели все препятствия.

Через два года будущие великие отцы вынуждены были расстаться. Св. Григорий вернулся в свой родной город, где был рукоположен в пресвитера. Свою первую проповедь св. Григорий произнес в самый разгар правления императора Юлиана. Св. Григорий выпустил два памфлета против его пагубной политики. Юлиан запрещал в христианских школах преподавание светских наук. «Тогда отдай алфавит финикийцам, а математику египтянам», – писал св. Григорий. Это было провозглашение единства мировой культуры на христианской основе.

Много трудностей ожидало св. Григория, много заманчивого обещала деятельность на церковном поприще. Св. Василий стал активным борцом в Кесарии и своим примером как бы звал друга идти за собой. Но св. Григорию была неизмеримо ближе тишина гор и безмолвная молитва.

Желал бы я стать или легкокрылым голубем,
или ласточкой,

⁴ Там же. С. 355.

чтобы бежать от человеческой жизни,
или поселиться в какой-нибудь пустыне,
и жить в одном убежище со зверями,
потому что они вернее людей.
Там желал бы я провести свою
однодневную жизнь
без слез, без страха наказаний, без забот;
иметь одно преимущество перед зверями —
ум, который ведаёт Божество
и невещественен.⁵

Жизнь начинает рисоваться св. Григорию с ее самых мрачных сторон. Во многих его стихах звучит мелодия, навеянная гераклитовским «все течет».

Какое преимущество между сгнившими?
Тот же прах, те же кости —
и герой Атрид и нищий Ир,
царь Константин и мой служитель,
и кто злострадал и кто благоденствовал,
у всех нет ничего, кроме гробов⁶.

Настроение, родственное настроению Экклезиаста, было не бесполезно для св. Григория. Оно окончательно решило его судьбу. Из двух путей он выбрал тесный и скорбный путь подвижничества, чтобы тем самым победить зло, которое проклятием тяготеет над миром. Он понимал, что только у ног Христа может найти настоящий покой страдающая душа, он чувствовал, что только Спаситель властен остановить бурю противоречий и страдания. Что такое жизнь без Света Божия? Св. Григорий рисует ее образ в стихотворении «Жизнь человеческая».

Эта краткая и многообразная жизнь
есть какое-то колесо,
вертящееся на неподвижной оси,
и хотя представляется
чем-то неподвижным,
однако же не стоит на месте...
Посему ни с чем лучше нельзя сравнить
жизнь,
как с дымом или сновидением,
или полевым цветком⁷.

Но самое замечательное произведение ев. Григория – поэма «О человеческой природе». Здесь тема «свет во тьме светит» достигает своего наилучшего выражения. Св. Григорий сначала бесстрашно опускается в черную мглу пессимизма, а вслед за этим указывает заблудившейся и истомленной душе «Путь, и Истину, и Жизнь».

Вчера, сокрушенный своими скорбями,

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 123.

сидел я один вдали от людей
в тенистой роще и снедался сердцем.
Ветерки жужжали и вместе
с поющими птицами
с древесных ветвей ниспосылали
добрый сон
даже и слишком изнемогшим духом.
А на деревьях, любимцы солнца,
сладкозвучные кузнечики
из музыкальных гортаний оглашали весь лес
своим щебетаньем.
Неподалеку была прохладная вода и,
тихо струясь по увлажненной ею роще,
омывала мои ноги.
Но мною так же сильно, как и прежде,
владела скорбь.
Ничто окружающее не развлекало меня,
Потому что мысль, когда обременена
горестями, нигде не хочет встретить
утешения...
Кто я был? Кто я теперь? И чем буду?
Ни я не знаю, ни тот, кто обильнее меня
мудростью...

Далее ев. Григорий дает самую мрачную картину человеческой жизни, не останавливаясь перед жестокими выражениями и страшными образами. Но в конце концов он побеждает печаль и, обращаясь к своей душе, говорит:

Все ниже Бога. Покорствуй слову.
Не напрасно сотворил меня Бог.
От нашего малодушия такая мысль.
Теперь мрак, а потом дастся разум,
и все уразумеешь...⁸.

Св. Григорий, подобно большинству христианских учителей древности, начиная с апостола Павла, испытал влияние стоической философии. В стоиках св. Григория особенно привлекал своеобразный аскетизм и презрение земных благ. В стихотворении о философской нищете он во многом перекликается с Эпиктетом и другими стоическими писателями.

Ты и в болезни весел,
Роскошествуешь, если только богат,
чувствуешь, правда, зло, но, однако,
есть у тебя и врачевство от болезни.
А другой беден, но воздержан.
И он втрое блажен, потому что нет у него
ни зла,

⁸ Там же. С. 41.

ни врачевства от зла...⁹.

В поэме о смиренномудрии св. Григорий прямо ссылается на античных философов, в частности киников и стоиков, как на примеры воздержания и самообладания.

При всем этом св. Григорий был далек от стоической гордости и превозношения своими подвигами. Он сумел избежать того чувства собственного превосходства, которое порой возникает у людей, ведущих углубленно-созерцательный аскетический образ жизни. Он не осуждал тех христиан, которые были неспособны вести такую жизнь и отдавали Церкви свои силы на трудном поприще общественной борьбы. У св. Григория есть по этому поводу следующее четверостишие:

Чему отдашь предпочтение —
деятельной или созерцательной жизни?
В созерцании могут упражняться
совершенные, а в деятельности многие.
Правда, и то и другое хорошо и вождено.
Но ты к чему способен, к тому
и простирайся особенно¹⁰.

Эти мудрые слова свидетельствуют о глубоком проникновении св. Григория в законы христианской жизни.

Итак, св. Григорий избрал свой путь. Он решился «жить жизнью, чуждой жизни». Но Бог судил иначе.

* * *

Св. Василий Великий направил своего друга в качестве епископа в Сасимы. Св. Григорий в одной автобиографической поэме так характеризует это место:

Там всегда пыль, стук от повозок,
слезы, рыдания,
собиратели налогов, орудия пытки, цепи;
а жители — чужеземцы и бродяги.
Такова была церковь моя в Сасимах!...¹¹.

Эта обстановка была тяжела для св. Григория. Правда, в новом положении он сумел принести пользу делу св. Василия по собиранию воедино малоазийских церквей. Но в Сасимах он жить не смог и удалился в Назианз, где стал помогать своему отцу — епископу. Вскоре смерть похитила у него обоих родителей и горячо любимого брата Кесария. Через год скончался и св. Василий Великий, в самый разгар своей деятельности, не имея и 50 лет от роду (379 г.), и св. Григорий почувствовал себя совершенно одиноким.

Я один оставлен Тебе единому, Царь царей,
Тебе, державствующему над всеми.
Ты моя величайшая сила!

⁹ Там же. С. 175.

¹⁰ Там же. С. 225.

¹¹ Там же. С. 359.

У меня нет попечительной супруги,
которая избавила бы меня
от неисцельных забот
и своими ласками утешала сетующего.
Не веселят меня милые дети,
при которых ободряется старость.
Не утешают меня ни единокровные,
ни друзья,
Одних похитила жестокая смерть,
Другие, любя благоветрие,
приходят в трепет
при малом волнении, застигающем друга...¹²

И все же ев. Григорий нашел в себе силу принять все испытания с глубоким смирением и упованием на Господа. Постоянно черпал он поддержку в молитве и приносил к подножию креста тяжесть наболевшей души.

Святитель не знал, что в этом же году в его жизни наступит коренной перелом.

В 379 году, впервые за много лет, кончилась безраздельная власть ариан. Восточная империя перешла в руки православного полководца Феодосия, который пожелал, чтобы в Константинополе в противовес арианству была создана Православная Церковь. Нужен был епископ, который бы смог словом и делом положить начало общине в восточной столице. Выбор Феодосия пал на св. Григория. Святитель вспоминает:

Обо мне думали, что зачну нечто
перед Богом,
Как человек, известный жизнью и словом,
хотя всегда вел я сельскую жизнь.
Меня приглашали многие из пастырей
и из овец,
приглашали быть помощником народу,
защитником слову¹³.

Св. Григорий, прибыв в восточную столицу, начал совершать службу в домовый церкви одного своего родственника. Вскоре все, кто был верен Православию, стали собираться в этой маленькой церкви, и здесь св. Григорий вдохновлял их словом и личным примером. Он стремился показать константинопольцам, что идея Троичности – это вовсе не предмет праздных споров для изощренных диалектиков. Нас поражает у самого святителя особенная, живая любовь к Святой Троице, которая сквозит во всех его произведениях. Анализирующий ум философа сливается у него с благоговением богослова и любовью чистой души. Неуловимо звучат тонкие метафизические ноты в восторженном гимне, который одновременно отличается задушевностью лирического стихотворения:

Дай воспеснословить, дай прославить Тебя,
Нетленного Единодержца, Царя, Владыку!
Тобою песнь, и хвала, и ангельские лики,
и нескончаемые веки;

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 363.

Тобою сияет солнце, Тобою путь луны
и вся красота звезд;
Тобою человек, отличный честию,
как животное разумное
получил в удел мысль о Божестве.
Ты создал все, Ты каждой вещи
указываешь ее чин
и все объемлешь Своим промыслом.
Ты изрек слово – и совершилось дело.
Ибо слово Твое есть Бог Сын, единосущный
и равночестный Родившему.
Он привел все в устройство,
чтоб над всем царствовать.
А всеобъемлющий Святый Дух Бог
хранит все своим промыслом.
Воспеваю Тебя, живая Троица,
единая и единственно единоначальная,
Естество неизменяемое, безначальное,
Естество неизглаголанной сущности,
Ум, непостижимый в мудрости,
Небесная Держава, непогрешимая,
неподначальная, беспредельная,
Сияние неудобозримое,
но все обзирающее,
От земли и до бездны ни в чем не знающее
для себя глубины!
Будь милостив ко мне, Отец!
Даруй мне, чтобы всегда служил я
сей святыне;
А грехи мои отринь, очистив совесть
от всякого худого помышления.

О том противодействии, которое он встретил со стороны врагов Православия, св. Григорий писал в своей автобиографической поэме: «Город пришел в волнение, восстал против меня, будто бы я вместо единого Бога ввожу многих богов». В это время он произнес свои знаменитые Слова о богословии, которые принесли ему огромную известность и стяжали имя богослова.

Вступление на Константинопольский престол также нашло свое отражение в поэзии св. Григория. В стихотворении, посвященном этому событию, он описывает, как в мрачный, неприветливый зимний день он, смущенный и опечаленный, шествовал в сопровождении солдат к собору, чувствуя на себе неприязненные взгляды толпы, среди которой были еще очень сильны арианские настроения. «Наконец не знаю, как вступил в храм». В соборе было темно. Мрачные тучи висели над городом, и народу казалось, что это знак гнева небесного. Но, когда св. Григорий был облачен в порфиру Византийского патриарха и подошел к решетке, чтобы благословить народ,

...вдруг по Божию велению
сквозь расторгшиеся тучи засияло солнце,
так что все здание, дотоле омраченное,

мгновенно сделалось молниевидным
и в храме все приняло вид древней скинии,
которую прикрывала Божия светлость;
у всех прояснились и лица и сердце¹⁴

Это послужило сигналом к тому, чтобы недоверчивое отношение сменилось подлинным триумфом. Так начался новый этап его служения.

Получив власть, св. Григорий не стал ею злоупотреблять. Напротив, он старался действовать со всяческою кротостию, чтобы показать арианам, в чем настоящая сила христианства. Однако недолго он мог служить Церкви. Начались смущения среди епископов. Был найден предлог, чтобы объявить его незаконным епископом. К этому прибавились различные другие недоразумения, и к концу заседания Вселенского Собора 381 года он понял, что самое лучшее – это удалиться, отказавшись от патриаршей власти.

С тех пор до самой смерти, последовавшей в 389 году, св. Григорий прожил в уединении, которое доставляло ему истинное наслаждение. Но, с другой стороны, были и грустные минуты, когда он думал о человеческой неблагодарности, о скорбях Церкви, о своей судьбе. В эти годы он написал очень много стихотворений, в которых изливал свою скорбь. Но была у него и другая цель. Он хотел дать христианской молодежи поэзию, могущую заменить языческих авторов. Часто, вспоминая светлые дни своей юности, Афины, св. Василия, Понтийскую пустыню и превратности судьбы, он ясно сознавал, как много радости принесло ему служение Христу. Он не жалел о жертвах, которые принес к подножию Распятия.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1959. № 3. С. 62–67

¹⁴ Там же. С. 379.

Назарет – колыбель христианства



Земные, человеческие масштабы часто совершенно несоизмеримы с Божественными. Мы знаем немало примеров того, как Бог возвышает презираемое и униженное людьми. Среди таких «вознесенных смиренных» особое место занимает маленький городок, затерявшийся среди холмов Галилеи, имя которого Назарет.

Напрасно сомневающиеся говорили недоверчиво: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1.46). Ни великий Вавилон, ни могучий Рим, ни даже Святой Град Иерусалим не стали тем местом, которое Господь избрал для совершения величайшего события мировой истории. Этим избранником стал тихий и никому не известный Назарет. Здесь смиренная Дева слышала слова ангельского благовестил, здесь совершилось таинство Боговоплощения.



В течение тридцати лет Иисус Христос ходил по его улицам и окрестностям, сидел на его холмах, поднимался по его тропинкам. Здесь трудился Он, и немногие подозревали, что кро-

ется под смиренной наружностью назаретского плотника. Какое место на земле может соперничать с этим благодатным городом?!

С благоговением должен склониться каждый христианин при имени Назарета – этой колыбели христианства, начатка нашего искупления. Каждая деталь его истории и быта, особенно эпохи земной жизни Иисуса Христа, имеет для нас огромное значение. Евангелия почти ничего не говорят о назаретском периоде жизни Господа, и только историко-археологическое исследование проливает слабый луч света на те годы, которые были для Спасителя годами подготовки к служению людям.

* * *

Прошли века, но Назарет, кажется, мало изменился по своему внешнему облику. Сейчас, как и «во время оно», он представляет собой группу неправильно расположенных белых домиков, окруженных виноградниками.

Он находится на гребне довольно высокой горы (около 1200 м над уровнем моря) Гебель эс-Сих, и к нему надо добираться по узким тропинкам.

Городок непосредственно окружен еще более выдающимися возвышенностями, с которых открывается живописный вид: голубой Кармел со своим утесом, Самаринские горы, цепь Гильбоа, овеванная трагическими воспоминаниями о Сауле, круглая вершина Фавора, зеленые нивы и масличные рощи. На этом пейзаже, несомненно, не раз покоился взор Спасителя.

Путешественники в один голос утверждают, что Назарет и его окрестности – прелестнейший из уголков Святой Земли. Это «горная роза», по выражению одних, и «земной рай», по словам других. После выжженных солнцем долин свежий горный воздух и зелень действуют особенно освежающе. Если что и изменилось в Назарете за две тысячи лет, то меньше всего изменениям подверглась природа. Она осталась такой же, как и в те дни, когда была озарена кротким сиянием Сына Божия.

Весной окрестности города превращаются в настоящий сад. Разнообразные цветы самых нежных красок и оттенков покрывают поля. И тогда, когда Господь проходил по назаретским склонам, Его глаза радовали горные розы, лилии и красные анемоны, над которыми порхали бабочки. Спаситель любил цветы, которые Он ставил в пример суетным и многозаботливым душам (Мф 6.28–29). Тихие холмы в весеннее время оглашаются переливчатыми трелями жаворонков и криками пестрых сизоворонок. Далеко разносится воркование горлинки. «Птицы небесные», так же, как и цветы, были в речах Господа образом души, возложившей все свое упование на Бога и радостно славящей своего Творца за все.

Как много образов в евангельских притчах взято из жизни и природы Назарета, картины которой окружали Иисуса с детства! Здесь и добрый пастух, который с риском для жизни спасает свою овцу, и овцы, которые знают своего пастуха по голосу, и сеятель, разбрасывающий семена по пашне, и листья смоковницы, и колосющиеся посевы, и виноградники со спелым виноградом.

Жители Назарета – это простые пастухи и земледельцы, какими были и современники Христа. Они водят по склонам своих коз и овец и собирают урожаи с полей, виноградников и садов, где растут масличные, гранатовые и апельсиновые деревья.

* * *

Когда возник Назарет?

Сейчас это установить еще довольно трудно. В Ветхом Завете о нем не упоминается, хотя там есть один город, название которого созвучно с именем Назарет (Ис Нав 19.10). Скорее всего можно предположить, что возник он в позднюю эллинистическую эпоху. Во всяком слу-

чае, раскопки 1955 года заставляют думать, что это селение не моложе эпохи Ирода, так как этим временем датируются найденные лампы и светильники.

Молчание источников объясняется главным образом тем, что Назарет – уединенное, скрытое в горах маленькое селение, соединяемое с Ездрилонской долиной единственной узкой дорогой, – не имел никакого экономического и политического значения. Население его было, вероятно, очень немногочисленно и вряд ли превышало по количеству его теперешнее население (10 000 человек).

Жители с незапамятных времен использовали своеобразную рассыпчатость и рыхлость назаретской горы и устраивали в ней цистерны и галереи. По углам некоторых искусственных пещер вделаны кольца, что позволяет предположить, что они использовались в качестве загонов для скота. Жилищами были сложенные из желтоватого камня маленькие домики, которые и поныне являются наиболее характерными строениями во многих городах Востока, в том числе и в Назарете. В одном из таких домиков, вероятно, и жила Пресвятая Дева вместе со Своим нареченным мужем Иосифом.



* * *

Дом, в котором жила Божия Матерь со времени Своего обручения, находился, по свидетельству Евангелия, в Назарете (Лк 1.26). Здесь Она проводила Свои тихие дни в молитве и труде. Отсюда ходила с кувшином к единственному источнику, теперь носящему Ее имя. В этом доме предстал перед Ней ангел с таинственной вестью о Рождаемом Ею, Который наречется Сын Божий; здесь «Слово стало плотью».

* * *

Судьба сродников Иисуса Христа тесно связана с Назаретом. Во время войны 66–70 годов большинство христиан покинуло Палестину. Но незначительная часть их, особенно приверженных к старому Закону, осталась, и среди них были и сродники Господа. Назарет оставался совершенно иудейским городом до эпохи императора Константина, когда была построена в нем первая церковь. Но в Назарете всегда оставалась группа христиан. Это были, во-первых, дети «сестер Иисусовых» (Мф 13.56), а также дети Его «братьев» («братьями» и «сестрами» Господа называли детей от первого брака св. Иосифа, а также Его двоюродных братьев и сестер). В частности, Гегезипп у Евсевия сообщает о том, как Домициан вызывал на допрос внуков Иуды, брата Господня, заподозрив этих потомков Давида в стремлении восстановить иудейскую династию. Они были скромными земледельцами, гордившимися своими трудовыми, покрытыми мозолями, руками. Вид этих рук и их бедные одежды, между прочим, спасли им жизнь, убедив Домициана, что такие смиренные труженики-бедняки не могут угрожать его трону.

В III веке, по словам Юлия Африканского (225), существовали назаретские христиане, которых называли «деспосинами» по причине их родства с Господом. А мученик Конон на суде, происходившем в 249 году, заявил: «Я – из Назарета, родственник Господа, Которому служу, как служили мои предки».

Таким образом, традиция назаретских христиан – вековая непрерывная традиция, и можно вполне положиться на их указание места дома Благовещения.

* * *

Как известно из евангельского повествования, Святое Семейство по возвращении из Египта поселилось в Назарете. Там, в тихом горном уголке, вдали от опасностей, в скромном домике плотника, протекли первые годы Спасителя. Там Божественный Отрок «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк 2.52). Как и все дети, Он играл на узких улицах городка или ходил по холмам и возвышенностям, окружавшим долину. Возможно, что праведный Иосиф скончался до полного возмужания Иисуса Христа. Ему выпал великий жребий быть хранителем детства и отрочества Искупителя мира, а он был всего лишь бедным плотником неизвестного городка.

Изумление, в которое повергли жителей Назарета и даже братьев Иисуса слухи о Его чудесах и проповеди, есть верный показатель того, что за все тридцать лет, проведенных в Назарете, Господь ни разу не обнаружил там Своей Божественной силы. В сокровенной глубине готовилось великое служение, а для окружающих Иисус был простым плотником, Который трудился, чтобы прокормить Свою Мать, снабжая жителей городка необходимыми предметами.

По субботам Он приходил, как и все, в синагогу, исполнял все предписания закона и традиции. Господь принял на Себя ветхозаветное бремя, чтобы сделать нас свободными, так же, как Он принял на Себя плоть человеческую, чтобы обожествить нашу природу.

Мы мало задумываемся над этим тридцатилетним периодом жизни Спасителя. А между тем он учит нас той истине, что в самых обыкновенных, будничных условиях можно жить подлинной жизнью в Боге, что человек должен искать пути спасения не где-то далеко, а здесь, на своем жизненном посту, в своем простом, будничном, повседневном деле.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1959. № 9. С. 61–64

На пороге Нового Года



Каким незначительным отрезком времени кажется год на фоне многовековой истории человечества! Однако такое впечатление не всегда соответствует действительности. Если в древние времена человечество развивалось медленно, то темп истории все более ускоряется по мере приближения к нашему времени, и в этом смысле XX век представляется нам стремительным потоком событий. В течение последних десятилетий совершились величайшие исторические катаклизмы, и лицо нашего мира изменилось до неузнаваемости. Сейчас без преувеличения можно сказать, что год – это целая эпоха. Поэтому на пороге нового года вполне целесообразно подвести некоторые итоги и бросить взгляд на перспективы будущего.

И Церковь в земном своем бытии также испытывает на себе влияние уплотнения времени, маленькие отрезки которого становятся для нее целыми эпохами. И если мы спросим, под каким знаком развивалась история Церкви последнего времени, то ответ, по-видимому, может быть один – под знаком стремления к взаимопониманию и сближению христиан всего мира. Особенно ясно видно это из того факта, что в настоящее время христианский Запад близко знакомится с христианским Востоком, на который он смотрит с возрастающей симпатией и уважением. Века взаимного отчуждения и недоверия уходят в прошлое, рушатся психологические и иные барьеры, мешавшие христианам говорить так, как подобает братьям.

Грех разделения тяготеет над христианским миром веками, и за это время между церквями образовалась столь глубокая пропасть, что некоторые пессимисты не решаются даже в нее заглядывать. Но подобное отчаяние не может согласоваться с нашей верой в Церковь (Мф 16.17–19). Правда, болезнь зашла слишком далеко, но нет болезни, которую Господь не мог бы исцелить. А для исцеления требуются только горячая вера и стремление искупить исторический грех отцов.

Злая человеческая воля внесла вражду в стадо Христово, и теперь нужно активное содействие доброй воли для торжества братской любви. Особенно важно создать «климат» для взаимопонимания и выяснить причины разделений прошлого и настоящего. Их нельзя сводить к внешним механическим факторам. Сущность разделений заключается в том, что посторонние политические, национальные и прочие нецерковные интересы возобладали над духом христианской любви.

Иисус Христос провозгласил новый закон для человечества – закон братства. В христианстве примирились все противоречия древнего мира. Эллин и иудей, варвар и скиф, раб и свободный, мужчина и женщина – все как дети одного Отца склонились перед крестом Искупителя. У первых христиан, по выражению св. евангелиста Луки, было одно сердце и одна душа. Но постепенно «первая любовь» стала охладевать, и возникли антагонизмы. Запад и Восток стали чуждаться друг друга, превозноситься друг перед другом. Цезаре-папизм и папо-цезаризм сыграли здесь решающую роль. Оба эти явления имеют историческое объяснение, но не имеют никакого христианского оправдания. Они есть наследие язычества, тяжким бременем легшее на Церковь и приведшее к греховному отчуждению. Отчуждение превратилось во вражду, проявившуюся в самых разнообразных формах, вплоть до кровопролития. Секуля-

ризация, которая нанесла огромный ущерб Церкви нового времени, есть, по глубоко верным словам митрополита Николая¹⁵, возмездие за грехи исторического христианства.



¹⁵ Митр. Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) (31 декабря 1891/13 января 1892, Ковно – 13 декабря 1961, Москва) – первый председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (с апреля 1946) (*Прим, ред.*)

Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский

Урок не прошел даром, и поэтому в истории Церкви XX век явился поистине веком экуменизма. Восток и Запад идут навстречу друг другу, но уже не как враги, а с протянутой рукой, под знаком мира. В этом благословенном начинании Русской Православной Церкви принадлежит почетное место. Прекрасно понимая, что бесполезно и невозможно «федерировать» церкви с общинами, имеющими существенные догматические различия, она, тем не менее, широко открывает двери гостеприимства для представителей инославного, в частности протестантского, мира. Взаимоознакомление и дружеские контакты создают ту благоприятную атмосферу, которая только и должна быть в отношениях между христианами. Эти связи уже принесли свои плоды. Протестантизм теперь не смотрит на Православие так, как смотрел на него Адольф Гарнак пятьдесят лет назад. Достаточно привести несколько высказываний протестантов, бывших в этом году гостями нашей Церкви, чтобы убедиться в этом.

«В Русской Православной Церкви я вижу подлинную чистоту литургических моментов», – заявил шведский пастор Христофор Классон. Пастор Арне Бугте писал: «Православное богослужение, соединяющее для прославления Господа различные человеческие дары – пение, архитектуру, иконопись и т. д., – является неисчерпаемым сокровищем». «Ваша Церковь, – говорил голландский пастор Гуго ван Далеи, – вечно молода».

Подобных высказываний можно привести многие десятки, и, безусловно, такой поворот во взгляде на Православие можно объяснить только знакомством с ним деятелей западного христианства. Православные, в свою очередь, ознакомились с новыми интересными явлениями в протестантском мире, каковым, например, является богословие Карла Барта.

Не менее важны связи Православия со старокатоликами и англиканами. К сожалению, долгое время соображения чисто внешние, нецерковные, вредили налаживанию этих связей, однако теперь атмосфера заметно улучшается, и лучшим пожеланием на будущий год может быть пожелание новых плодотворных контактов с этими христианскими исповеданиями в духе любви и терпимости.

То же самое Русская Православная Церковь желает, как и желала постоянно, Всемирному Совету Церквей. Она «убеждена, – говорит митрополит Николай, – что взаимное познание друг друга в духе христианской любви способно без всяких особых дискуссий устранять многие сомнения и проблемы, разделяющие христиан. Эта цель будет лучше достигнута в общих трудах, направленных на благо людей. Внедрение христианских принципов в человеческие отношения – личные, семейные, общественные, международные, – вот что может и должно являться общехристианским делом, объединяющим христиан. Чтобы практически показать действенность христианства, нам нужно сплотиться на почве защиты мира, защиты справедливости и свободы».

Особое значение приобретают в данный момент взаимоотношения между православными автокефальными церквями. Несмотря на различные условия их существования, они находятся в неразрывном молитвенно-каноническом общении, постоянно созидая свое единомыслие в решении многих общехристианских и общеправославных проблем. Целый ряд этих проблем должен быть обсужден на Всеправославном совещании, которое, по инициативе Вселенского Патриарха, предполагается созвать в 1960 году на о. Родос.

Придавая огромное значение этому совещанию, Русская Православная Церковь твердо верит, что и весь христианский мир станет на путь единомыслия в делах веры и жизни и тем самым поможет человечеству достичь мира, справедливости и свободы.

Се Аз с вами...



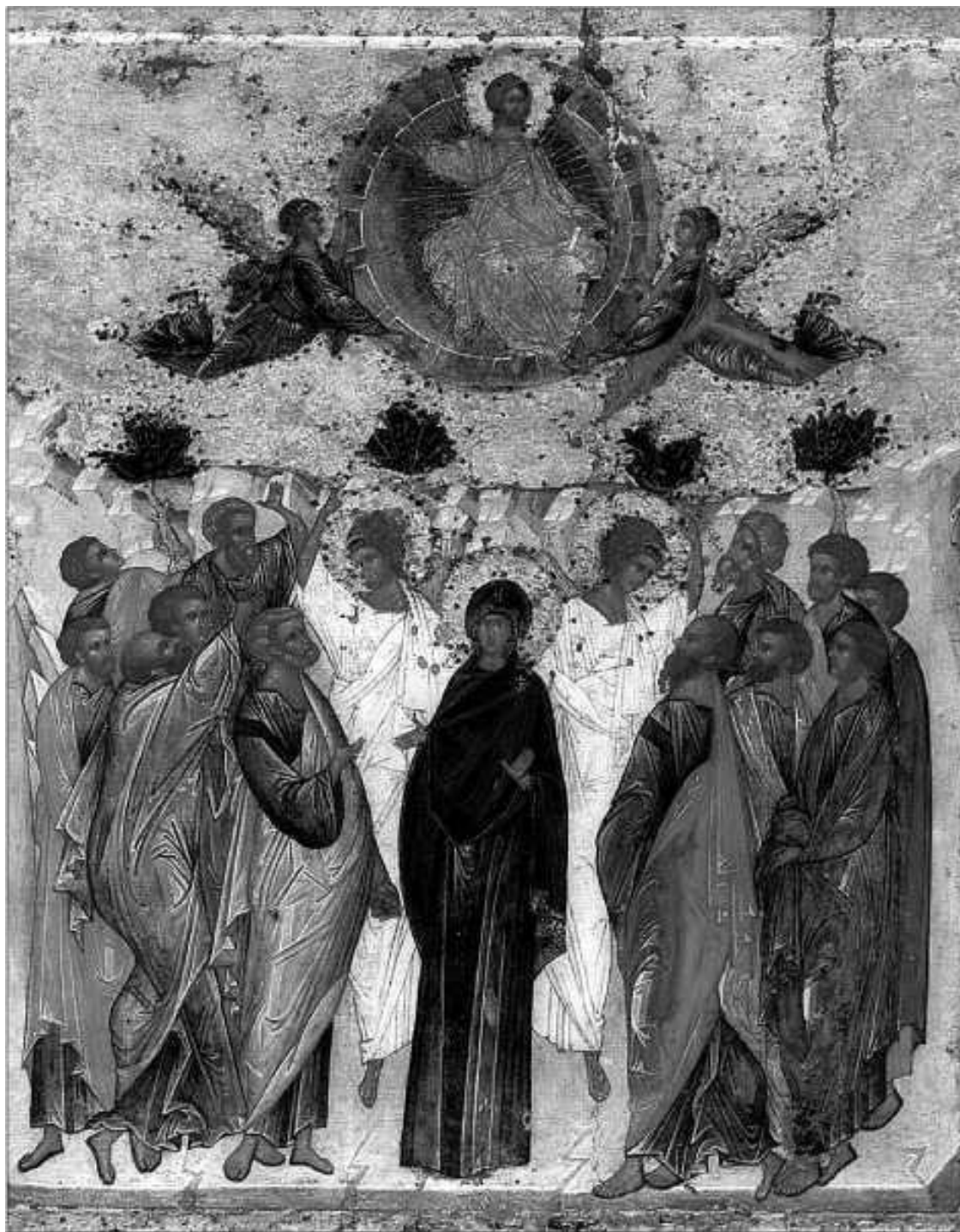
В те светлые дни, полные необычайных явлений, радостных слов и трепетного ожидания, когда апостолы уверились в том, что «Он воскрес», над миром загорелась новая заря. Смерть, беспощадно сражавшая миллионы живых существ, оказалась бессильной перед лицом этого обещанного, оплеванного и казненного Праведника. Он добровольно отдал Себя во власть этой грозной, разрушительной стихии и победил ее. Он искупил вековое проклятие, тяготевшее над человечеством.

Ученики еще не совсем понимали смысл того, что произошло, но они убедились, что Учитель жив, и это наполнило ликованием их сердца. Его видели женщины, Петр, Он изъяснял Писание двум апостолам по дороге в Эммаус, Он предлагал Фоме вложить персты в Его раны, Он ел и пил перед ними.

И вот Он повелевает им идти в Галилею – туда, где Он провел детство и юность, туда, где в течение трех лет Он странствовал с ними, проповедуя Евангелие Царства. Здесь, в этой стране, каждая гора, каждая тропинка, каждый камень на берегу озера напоминали им Учителя. У этих маленьких домиков до самого заката толпились больные, ожидая исцеления, сюда матери приносили своих детей, чтобы Он благословил их. В эти пустынные уголки удалялся Господь, чтобы наедине молиться Своему Отцу, у этих берегов качалась лодка Симона, с которой Он обращался к народу с поучением.

Теперь Иисус вновь и вновь является Своим ученикам. Они видят Его в голубой пред-рассветной дымке стоящим на берегу. Это не призрак, не видение: Он приготовил им пищу у костра, и они едят с Ним, как бывало в прежние дни.

На горе Галилейской они видят Христа снова. Многим все еще казалось, что они грезят. А Он, обратившись к Своей маленькой Церкви, как бы подготавливал ее к тому моменту, когда Его зримые явления прекратятся. «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам. И вот Я с вами во все дни до скончания века...» (Мф 28.18–20).



Вознесение Господне
прп. Андрей Рублев

В последний раз ученики видели Иисуса Христа на той горе, где они часто собирались во время посещения Иудеи, – на Елеоне. Как и тогда, перед ними расстился Иерусалим – город пророков и фарисеев. На мгновение к некоторым апостолам вернулись их прежние иллюзии: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?» (Деян 1.6). Но Он отклонил эту мысль. Наступил последний миг Его видимого пребывания среди людей. Он поднял руки и благословил всех. Изумленные ученики видели, что Он как бы отдаляется от земли... Облако скрыло Его, и Он стал невидим.

Не опечалилось ли сердце мужей галилейских? О чем думали они, стоя и смотря на небо, в голубую бездну? Не хотелось ли им приблизить тот день, когда, по словам ангелов, Иисус вновь придет на землю? Нет, апостолы не чувствовали себя одинокими и покинутыми. В их сердцах горели Его слова, сказанные на вершине галилейской горы: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Со времени Вознесения кончилась земная жизнь Спасителя мира. Но Он не оставил чад Своих. С этого времени Он невидимо присутствует среди верных Ему, невидимо ведет Свою Церковь по трудной исторической дороге, Он ее Глава и Хранитель. Поэтому никакие трудности не смущали апостолов; их не могли остановить ни плети слуг первосвященника, ни римские тюрьмы, ни происки лжебратий. Рыбаки вышли в мир с открытой проповедью, и они слышали голос Христа: «Я с вами...»

Шли годы... Были времена, когда казалось, что враги истребили семя христианства. Могли ли маленькие общины христиан мериться силой с императорской властью? Распятые, сожженные, погибшие на арене Колизея – где черпали мужество эти люди? Почему вера их не поколебалась, когда они видели Церковь, попираемую язычниками? Путеводной звездой были для них слова: «Я с вами...»

Но вот гонения прекратились. Язычество отступило. Новый враг угрожает Церкви – армия лжеучителей всех оттенков и направлений. И гностики, и платонисты, и противники учения о Троице – все предъявляют свои права на христианство. Одни отрицают божественность Христа, другие – Его человеческую природу... Бывали моменты, когда еретическим оказывался весь христианский мир, за исключением египетских отшельников или таких стойких борцов, как Афанасий Великий и Максим Исповедник. Отчаивались ли тогда ревнители и хранители Православия? Могли ли они поверить, что Истина будет побеждена? Нет, они верили во Христа Иисуса, сказавшего: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Шли века. Соблазны и искушения вошли в Церковь вместе с приобретением ее членами и руководителями светской власти и материального могущества. Грех симонии, фанатизма, нетерпимости тяготел над средневековым христианством. Надвинулась ночь, и многие думали, что Церковь погибла. Но те, кто хранил в своем сердце упование и умел во мраке различать яркие звезды, прислушивались к неземному голосу: «Я с вами во все дни до скончания века...»

В любое время, в прошлом и настоящем, среди трудностей, падений, торжества и временных поражений над Вселенской Церковью неизменно горят окрыляющие слова: «Я с вами...»

То, что говорит Господь всей Церкви и всему миру, относится и к каждой человеческой душе. Он стоит у двери нашего сердца и ждет, когда мы впустим Его. Но слишком часто эти двери остаются закрытыми, слишком часто человек замыкается в своей клетке и не хочет слышать призыва Христа. И вот Бог, не желающий смерти грешников, разрушает стены самодовольного благополучия и отдает их во власть собственных страстей. И вот тогда-то, среди скорбей, человек, выведенный из состояния губительного покоя, стремится вслушаться в тишину, чтобы уловить в ней звуки отеческого голоса: «Вот Я с вами во все дни...»

С ранних лет до закатных дней жизни человек ведет борьбу. Его окружают духовные и физические опасности, на него обрушиваются жестокие удары, его постигают горькие разочарования, и в тоскливый час мрака на узкой тропинке, по одну сторону которой зияет пропасть, так радостно услышать: «Я с вами...»

Самым тяжким испытанием для души бывает состояние растерянности, отчаяния, когда кажется, что Небо закрылось, что оно пусто. В эти страшные минуты пусть явится нам кроткий Лик Христа и пусть прозвучат Его слова: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Обетование Господа не было тщетным. Облако скрыло Его от взоров учеников, но Он остался среди них. Не Он ли так скоро после Вознесения остановил Савла, спешившего в Дамаск, и превратил его из лютого гонителя в апостола? Не Его ли видел Стефан в свои предсмертные минуты? Не Он ли являлся сонму святых древнего и нового времени? И не Он ли

открывается каждой чистой и искренне верующей душе? Христос живет среди нас, и Его присутствие в Евхаристии подтверждают слова: «Се Аз с вами во вся дни до скончания века. Аминь».

Диакон А. Мень

ЖМП. 1960. № 7. С. 25–27

Фавор и Голгофа



Когда сейчас мы мысленно обращаемся ко временам земной жизни Христа Спасителя, нам кажется непонятным, что находились люди, которые не верили Его словам, осуждали Его дела, считали Его обманщиком и соблазнителем. Нам кажутся непостижимыми злоба, недоверие и презрение, которыми фарисеи и книжники окружали Его. А иные, быть может, думают: если бы мы жили в те времена, мы не отвергли бы своего Спасителя, не разбежались бы, как Его ученики, в момент смертельной опасности и уж, наверное, не стали бы объяснять Его чудеса силою Вельзевула. Только увидев Его, мы без колебаний бросили бы всё и пошли за Ним.

Так кажется нам потому, что мы уже знаем Христа Прославленного, пребываем в лоне Его Церкви, веруем в Его воскресение. Но если бы мы беспристрастно оценили обстановку жизни Иисуса Христа на земле, представили бы себе, как Он выглядел тогда – Сын Человеческий среди сынов человеческих, – то поняли бы, что поверить во Христа и пойти за Ним было для апостолов великим подвигом.

Он явился из бедного, презираемого городка, о котором говорили: «оттуда не приходит пророк». Он был простым ремесленником, окружали Его люди низкого происхождения, невежественные. Его видели в самом подозрительном обществе, среди блудниц, сборщиков налогов, нищих и прокаженных. Слова Иисуса иногда поражали своей загадочностью, и официальные духовные руководители народа считали Его лжепророком.

Чудеса? Но книжники сумели и это объяснить. Одни говорили, что Он действует силою бесовского князя, другие – что Он научился в Египте магии. А когда Иисус оказался в руках первосвященников и не освободился от рук воинов и палачей, чья бы вера не поколебалась?

Правда, в Священном Писании древние пророки многое предрекли о Нем, и Господь недаром говорил: «Исследуйте писания... они свидетельствуют о Мне» (Ин 5.39). Но, по собственным признаниям апостолов, они поняли смысл большинства пророчеств только после воскресения (Лк 24.25–45).

Итак, мы видим, что для веры в Иисуса как Спасителя нужен был большой духовный подвиг. Нужно было узнать в образе скромного галилейского Учителя обетованного Мессию.

В ту эпоху ожидание избавления достигло своего апогея. Господь явился в мир «в конце времен», когда человечество, утомленное поисками истины, стояло на грани скептицизма и отчаяния. Древние религии не принесли спасения, ответа на вечные вопросы не было. Попытки людей своими силами достигнуть Бога оказались безнадежными.

Среди прочих религий религия Израиля представляла исключение. Она не была чем-то законченным, а вся была в движении, стремлении, ожидании. Союз с Богом, заключенный на Синае, не казался вечным союзом. Вдохновенные пророки уповали на Новый Завет в сердцах человеческих (Иер 31.31). В то время как мыслители Греции или Индии спорили об иллюзорности или вечности мира, израильские пророки заговорили о моральной ценности истории и человеческой жизни, объясняя преходящие события своей эпохи в их отношении к Божественной Воле. Пророки видели несовершенство мира, бичевали пороки общества, призывали к общественной справедливости и верили, что мир должен обновиться. Они предсказывали, что это обновление принесет Царь из дома Давидова, Мессия, который будет наречен Эммануил –

с нами Бог. Их провидческий взор проникал через века и созерцал Деву, Вифлеем, Предтечу; перед ними стоял образ Мессии-Страдальца.

«...Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия... Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни... Но Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригушим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих...

...Когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его» (Ис 53.2–7, 10).

Так говорили пророки.

Но большая часть народа превратно понимала их слова. Все верили вслед за пророками, что явится Освободитель, но представляли себе этого освободителя светским царем, победителем язычников, основателем всемирного земного царства. Ожидали, что Он будет могучим вождем наподобие Моисея; верили, что пророк Илия предвозвестит пришествие грядущего Мессии и, когда Он въедет в Иерусалим при звуках трубы, помажет Его елеем на вечное Царство.

Господство римлян в Иудее еще более способствовало развитию такого воинственного мессианизма. Думали, что первым делом Сына Давидова будет свержение римского владычества.

Из всего этого очевидно, что явление Христа в том виде, в каком мы знаем Его из Евангелий, не могло быть всеми признано за явление Мессии. Распятый Назарянин, Сын Человеческий был не понят толпой: «Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин 1.11).

* * *

Для чего же Господь пришел на землю в «зраке раба», почему мир узнал о Нем, как о плотнике из Назарета? Почему такая преграда была поставлена между людьми и Богочеловеком, пришедшим спасти их?

Человек – свободное существо. Он создан как образ Божий в творении. Свободная воля составляет необходимую часть этого богоподобия. В Эдеме человеку был предоставлен выбор путей, и Бог не предотвратил избрания им пути, подсказанного диаволом. На всем протяжении истории Бог не нарушал человеческой свободы безусловно очевидными проявлениями Своей силы. Поэтому-то Он и не пришел на землю как могучий завоеватель или всемирно известный чудотворец.

Тихо и незаметно появился Он среди людей в маленькой восточной провинции. Он избегал больших городов и предпочитал ходить по презираемой Галилее – бездомный Путник, не имевший где преклонить голову. Мы видим Его одиноко сидящим на вершине горы, проповедующим с лодки над спокойной гладью голубого озера, окруженным детьми, отдыхающим в хижине бедняка и грешника.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Только чистое сердце, открытое для восприятия истины, могло узнать в Иисусе из Назарета обетованного Мессию, Сына Божия. Ученики Господа – искренние, преданные, простосердечные, не зараженные мудрствованиями книжников – узнали Его в Его униженном виде. Они не соблазнились и после Его таинственных слов о Хлебе Жизни, не покинули Его. «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной». «Вот, мы всё оставили и последовали за Тобой».

Однажды, когда Спаситель проходил с учениками близ селений Кесарии Филипповой, Он спросил их: «За кого люди почитают Меня?..» «Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков», – отвечали они. «А вы за кого почитаете Меня?» За всех ответил Симон. «Ты Христос, Сын Бога живаго», – сказал он.

Спаситель одобрил это исповедание, но указал, что «плоть и кровь», то есть человеческое рассуждение, не могут открыть Его тайны; ее открывает только «Отец... сущий на небесах» (Мф 16.13–17).

* * *

По прошествии нескольких дней вера учеников была вознаграждена: Петр, Иоанн и Иаков – самые близкие к Господу апостолы – удостоились увидеть на мгновение завесу тайны приоткрытой.

По обычаю Своему Христос удалился на гору для уединенной молитвы. Он взял с собой троих учеников. По-видимому, была ночь, и ученики, расположившись на склоне, заснули, а Спаситель, отойдя в сторону, углубился в молитву.

Когда они пробудились, их взорам предстало необычайное явление. Лицо Иисуса изменилось, оно излучало сияние, одежды блистали, как снег на вершинах гор. Он совершенно преобразился. Подле Него стояли два мужа и беседовали с Ним.

Один был Моисей – древний пророк и законодатель Ветхого Завета. Это он видел горящую купину, он начертал жезлом крест над расступившимися волнами Красного моря, он воздвиг в пустыне медного змея – прообраз Распятого. И вот теперь он стоит пред Тем, о Ком предсказывал, Кого ожидал.

Второй был пророк, который взывал к Богу в пустыне у святой горы. Бог явился ему не в буре, не в пламени, не в смерче, а в веянии прохладного ветра. Это явление было великим событием в мировой религиозной истории. «Глас хлада тонка» дал людям предчувствие той истины, что Бог – это не грозный, неумолимый Властитель, а милосердый Отец, любящий человека.



Преображение Господне

Новгород, XV век

Стоя на вершине Фавора, эти вожди Ветхого Завета вели тихую беседу с Основателем Нового о Его искупительном подвиге, о Его «исходе» (Лк 9.31).

Явление великих мужей и преображение Учителя привели апостолов в замешательство и страх; вместе с тем они испытывали сладостное чувство присутствия Божия.

«Равви, – пролепетал Петр, не зная, что сказать, – хорошо нам здесь быть. Сделаем три кущи, Тебе одну, одну Моисею и одну Илии».

Внезапно гору окутало светлое облако, и они услышали слова: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». В следующий миг все исчезло. Ученики увидели Иисуса в Его обычном виде, одиноко стоящего на вершине горы. Он подошел к ним, успокоил их и запретил рассказывать о виденном, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых».

Когда они сошли с горы, их ждали тяжелые трудовые будни. Снова Спасителя окружали дети земли, «род неверный и прелюбодейный».

Невольно приходит на ум вопрос: помнили ли ученики о Фаворе в те страшные часы, когда видели Учителя на другой горе – Голгофе? Если помнили, то как могли поколебаться?

Да, они не забыли, но поколебались. Это так понятно, так часто происходит с каждой верующей душой. И нам приоткрывается завеса тайны, и мы в какое-то мгновение своей жизни видим сияющий Лик и слышим голос Отца, испытывая то чувство, которое Петр хотел выразить словами: «Господи, хорошо нам здесь...» А потом все исчезает. Маяк блеснул, и вновь – темное море, бурное и угрожающее. Душа, сохранившая в себе видение Божественного света, не уstraшит: в дни Голгофы она хранит память о Фаворе.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1960. № 7 С. 27–32

В молитвах Неусыпающая

«В молитвах неусыпающую Богородицу и в предательствах непреложное упование, гроб и умерщвление не удержаста; якоже бо Живота Матерь, к животу престаи, во утробу Вселившийся приснодевственную».
(Кондак Успения)



В истории раннего христианства много великих событий связано с небольшим селением Гефсимания, расположенным близ Иерусалима, у подножия Елеонской горы. Здесь часто собирались ученики Иисуса Христа, здесь они слышали Его прощальные слова; старый оливковый сад был свидетелем молитвы Спасителя в страшную ночь накануне распятия, когда Он повергался на камни и кровавый пот выступал на Его челе; сюда привел Иуда толпу вооруженной стражи, и среди гефсиманских маслин мелькали зловещие факелы и мечи; здесь прозвучал поцелуй предателя, и отсюда слуги архиереев повели Сына Человеческого на свое преступное судилище.

Первые дни Церкви были связаны с Гефсиманией: по мнению многих историков, именно там находился дом Марии – матери евангелиста Марка. В этом доме верные часто собирались для общей молитвы и преломления хлеба, в этот дом поспешил апостол Петр немедленно после своего чудесного избавления из темницы в 44 году.



Маслины Гефсиманского сада

Гефсиманский сад был любимым местом уединения Пречистой Девы в последние годы Ее жизни. Апостол Иоанн, к которому Она переселилась после Голгофской трагедии, жил, быть может, неподалеку от этого места. Нет ничего странного, что галилейский рыбак мог иметь дом в Иерусалиме. Апостол Иоанн сам указывает, что его знали в доме первосвященника (Ин 18.16), следовательно, он принадлежал к известной семье и бывал в Иерусалиме.

Согласно древнему церковному преданию, Матерь Божия прожила в доме Иоанна до 50 года. Она проводила свои дни в непрестанной молитве и заботе о несчастных. Ее часто видели молящейся на Голгофе, на Елеонской горе и в Гефсимании; Она лобызала землю, на которой стоял крест Ее Сына, вновь и вновь проходили перед Ней картины Страстной недели.

Близ долины Иосафатовой в Гефсимании было место, где погребали бедных людей. Над их могилами не возвышалось никаких памятников: это были скромные места упокоения тружеников и обездоленных. Здесь были похоронены Иоаким и Анна и назаретский плотник Иосиф. Матерь Божия просила апостолов, чтобы они погребли и Ее в Гефсимании, рядом с родителями и обручником, рядом с тем садом, в котором Ее Божественный Сын изнемогал под тяжким бременем грехов человеческого рода.

Кончина Пречистой Девы была предсказана ей ангелом, принесшим Ей пальмовую ветвь – символ мира. Матерь Божия перешла в вечность без страдания, с тихой радостью; Она как бы уснула, окруженная незримыми ангельскими хорами и любящими сердцами. Лицо Пречистой, когда Она лежала на смертном одре, было окружено сиянием.

Со всех концов земли собрались апостолы проводить в последний земной путь Мать Господа Иисуса. Они несли Ее тело к приготовленной могиле в Гефсимании, и за ними следовала большая толпа верных. Здесь был и Павел, еще недавно гнавший Церковь Божию, а теперь ставший пламенным провозвестником Евангелия языческому миру Средиземноморья. Священный одр окружали первые ученики Спасителя: неразлучные Петр и Иоанн, Андрей – апостол далекой Скифии. Некоторых уже не было среди апостолов. Гонения лишили общину таких мужей, как Иаков Зеведеев и Стефан. Но преследования не погасили духа верных чад Церкви. На месте сраженных рукой гонителей поднимались тысячи новообращенных.

У гроба Богоматери находился и верный спутник апостола Павла врач Лука – первый историк христианства. Он был одним из самых близких к Марии апостолов. Он первый воссоздал Ее образ, он поведал миру о таких событиях Ее жизни, о которых молчат другие евангелисты.



Могила прав. Иосифа Обручника

Если бы ни в одном Евангелии не сохранилось ни слова о Марии из Назарета, то христианский мир и без их свидетельства знал бы, что Жена, родившая миру Спасителя, – высочайшее и прекраснейшее из всех человеческих существ. Однако евангелисты, особенно Лука, сохранили нам то немного, что дает возможность проследить жизненный путь Пречистой Девы и представить себе Ее дивный образ. Кроткое смирение, простота, твердость отличают «Благословенную в женах», как Ее изображают нам евангелисты. Ее часто постигают трудности, заботы и тревоги, но она переносит все с молчаливым терпением и преданностью воле Божией. Ее служение миру и Господу – это служение скорби и самоотречения.

* * *

«Тебе Самой оружие пройдет душу» – эти пророческие слова престарелого Симеона предвосхитили весь земной путь Богородицы. Прежде чем пасхальная весть озарила радостью Ее жизнь, Она в течение многих лет безропотно несла крест своего страдания. Начало ее служения было таким же светлым и радостным, как конец: евангельское приветствие в назаретской горнице, встреча с Елисаветой, вдохновенное прославление Господа: «Призрел Он на смирение рабы Своей, ибо отныне ублажат Меня все роды...»

Но затем приближаются скорби.

На пустынных улицах ночного Вифлеема тщетно ищет Она пристанища. Ни одна дверь не открывается для Нее – мир отказал в крове для грядущего Испытателя.

В бедной пещере, где в яслях лежал Ее Младенец, слушала она слова пастухов; Матерь Божию не смущала внешняя убогость пришествия в мир Сына Божия, Она верила ангельскому

благовестию и слагала в Своем сердце все слышанное Ею. А впереди предстояли новые испытания.

Уже с первых дней жизни Иисуса Мария должна была трепетать за жизнь Своего Сына. Люди встретили рожденного Христа злобой и угрозами. Тревожная весть о злодейском замысле Ирода, ночное бегство из Вифлеема, утомительное путешествие в чужую страну, слухи о массовом убиении младенцев, совершенном по приказу Ирода, – таков пролог евангельской истории. И никогда не было у Назаретской Отроковицы ни тени ропота или жалобы. Она раз и навсегда дала ответ на все испытания: «Се Раба Господня, да будет Мне по воле Его».

Но вот Святое Семейство в Назарете. В тихом городке опасность, кажется, далеко. Можно ли, однако, утверждать, что в эти тридцать лет сердце Матери было всегда спокойно? Во всяком случае, единственный эпизод из назаретского периода жизни Спасителя, сохраненный Лукой, свидетельствует о противоположном. Сколько мучительных часов провела Мать Божия, отыскивая пропавшего Отрока Иисуса! «Чадю, что Ты сделал с нами? Вот Я и отец Твой с великой скорбью искали Тебя!» – говорит Она Сыну.

Иосиф умер, вероятно, вскоре после памятного путешествия в Иерусалим. Сын и Мать остались вдвоем в маленьком домике плотника. Она одна знала тайну Иисуса; Она одна носила ее в Своем сердце. Для других Он был простым деревенским юношей, назаретским ремесленником, сыном Иосифа. Шли годы, но вера Марии не поколебалась, благовестие архангела Гавриила непрестанно звучало в Ее душе, и Она знала, что все, предсказанное им, исполнится.

В пятнадцатый год правления Тиберия на берегах Иордана загремел голос сурового пустытника Иоанна: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» С этого времени Иисус покидает Назарет и больше не возвращается в Свой дом; Он становится странником, не имеющим, где приклонить голову. Это была тяжкая разлука для Матери. Она осталась одна в Назарете, где родные смеялись над Иисусом, считая Его безумным; Она чувствовала Себя одинокой среди этих людей. Быть может, Пречистая Дева переселилась оттуда в Кану, где, вероятно, у Нее были близкие (Ин 2.1). Во всяком случае, Она была приглашена туда на свадебное торжество вместе с Сыном, и благодаря Ее робкой просьбе открылась чудесная власть Иисуса над природой.

В Капернауме Спасителя постоянно окружала такая толпа, что даже с помощью родных Богоматерь не смогла проникнуть в дом, где Он находился. И так в течение трех лет. Она следит за Ним издали, страдает за Него, молча несет свою скорбную материнскую долю. Она знает, что Его преследуют враги, знает, что Он постоянно находится в опасности, и, наконец, узнает, что Он открыто направился в самый стан врагов – в Иерусалим, где старейшины и архиереи готовят Ему смерть. И Мать Божия спешит за Сыном.

Здесь оружие поистине пронзило Ее душу. Стоя на Голгофе, она видела, как Иисус истек кровью на позорном кресте, видела Его пригвожденные руки, чело, увенчанное тернием. Здесь, умирая, Он поручил Ее заботам Своего любимого ученика: «Жено, се сын Твой». Она стала Матерью юного Иоанна и вместе с ним усыновила всех учеников Христовых, весь род человеческий.

После Воскресения Иисуса Христа Божия Мать поистине становится общей Матерью нарождающейся Церкви. Она постоянно присутствует там, где собираются христиане, и занимает почетное место среди апостолов. Годы страданий кончились. Отныне Ее окружают любовь, благоговение, радость. Но, пройдя через горнило скорбей, Пречистая Дева не забыла о них. Теперь Она сострадает всему миру, Она молится за все скорбящее человечество, которое Она усыновила, приняла в Свое сердце.

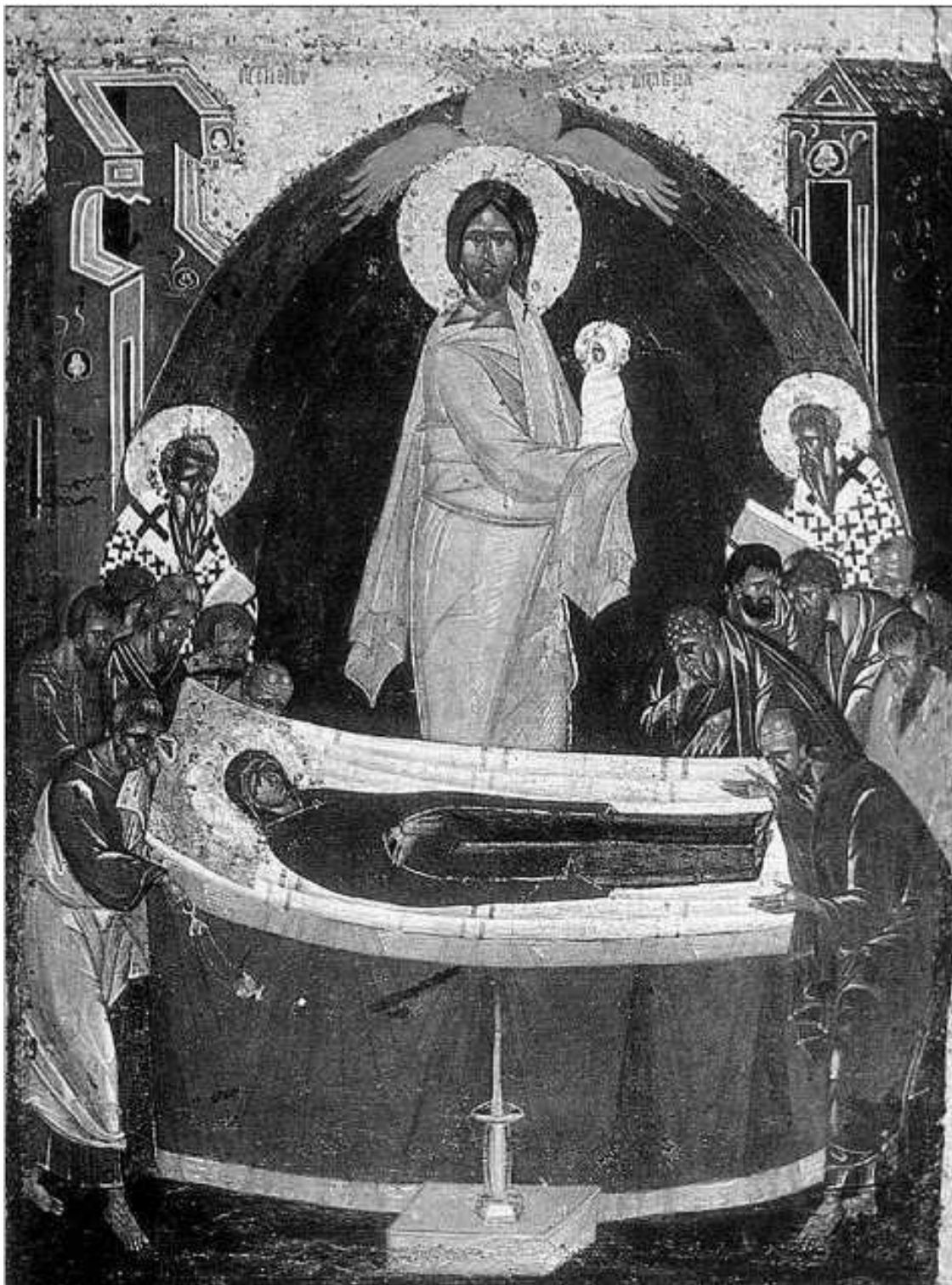
Древнехристианская письменность сохранила немало документов, свидетельствующих о том почитании, которое окружало Мать Божию в последние годы Ее жизни.

В послании, которое приписывается св. Игнатию Богоносцу, есть такие замечательные слова о Деве Марии: «В преследованиях и скорбях Она весела, в нуждах и недостатках не

жалуется, оскорбителям признательна, на доуки радуется; несчастным, притесняемым соболезует, сострадая, и не медлит прийти на помощь... Нашей новой веры и покаяния является Учительницей, а у всех верных Помощницею во всех делах благочестия» (см.: *Флоренский П. Столп и утверждение истины*. М., 1914. С. 361).

* * *

Миновало три дня с того времени, как апостолы с пением принесли тело Богоматери в Гефсиманию и предали его погребению. В Иерусалим прибыл апостол Фома. Он очень скорбел, что не смог в последний раз проститься с Пречистой Девой, и братья-апостолы решили утешить его, открыв гробницу Богоматери. Но когда апостолы отвалили камень от пещеры, то с изумлением увидели, что там нет ничего, кроме погребальных пелен: гроб был пуст...



Успение Пресвятой Богородицы

Феофан Грек, XIV век

Наступил вечер; ученики собрались по обыкновению на общую трапезу. Когда же они хотели произнести благодарственную молитву, послышалось неземное пение и перед ними явилась Матерь Божия, окруженная бесплотными силами. «Радуйтесь, – сказала Она, – Я буду с вами во все дни».

Так было открыто ученикам, что Та, Которую Бог избрал на великое служение, не стала добычей смерти. Гроб был бессилен удержать Матерь Господа, Матерь мира: Она была вос-

крещена и отныне распростерла Свой Покров над грешной землей. Она не судит, а лишь состраждет и молится.

Смерть Богородицы – это не смерть, а краткий сон, за которым следуют торжество, воскресение и вознесение. Поэтому христианский мир отмечает Ее успение как великий праздник и воздвигает в честь него величественные храмы (в Москве, Киеве, Владимире и пр.).

Не случайно древнейшие изображения Богоматери (Оранта) получили впоследствии наименование «Нерушимой Стены». Церковь с самых ранних времен видела в Деве, простирающей в мольбе руки, верный щит и ограждение.

Обещание Матери Божией непреложно. Она пребывает с нами во все дни, являя Свое милосердие через бесчисленные чудеса. Она взирает на нас с чудотворных икон, перед которыми склоняются с молитвой христиане всех концов земли. Она царствует над безмолвными уступами Афона, Ее призывают в древней Иберии, и всюду – на полотнах Рафаэля и на византийских мозаиках – Она является перед людьми как воплощение вечной Любви и Милосердия.

Она – «Заступница усердная», «Всех Скорбящих Радость», «Милующая», «Утоление печали», «Нечаянная Радость», «Скоропослушница». Ее земная жизнь служит для каждого христианина источником утешения, вдохновения, поучения. Она – прибежище всех скорбящих матерей мира. Она учит нас тому, как проходить свой путь в совершенной преданности воле нашего Небесного Отца. Та, Которая в бедном вертепе не забыла ангельских слов, учит нас среди превратностей и искушений жизни сохранять в своем сердце Божественные глаголы.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1960. № 8. С. 37–41

Крест



На одной древней надписи в честь кесаря Августа можно прочесть следующие слова: «Суша и море наслаждаются покоем, города процветают в согласии и мире». В этих словах есть значительная доля правды. С внешней стороны правление Августа было временем благосостояния и мира. Однако мир этот, купленный дорогой ценой, был только видимостью. Он явился результатом порабощения множества народов Европы, Азии и Африки. Империализм «Вечного города» простер свой меч над Западом и Востоком древнего мира. Правда, Рим нес покоренным «варварам» свою «цивилизацию», но вместе с ней приходило и рабство. Миллионы бесправных человеческих существ – греков, фригийцев, германцев, галлов, евреев и негров – работали под ударами римских бичей на каменоломнях, возводили акведуки, обрабатывали поля, развлекали публику в амфитеатре.

Если на свободных варваров римляне смотрели как на людей низшей породы, то рабов они и вовсе не считали людьми. Их называли говорящими орудиями, и они носили ошейники подобно собакам.

Когда восставали покоренные народы, месть римских легионов была страшной; но особенно жестоко расправлялись римляне с рабами, когда те поднимались на неравную борьбу. За 70 лет до Рождества Христова при подавлении восстания Спартака шесть тысяч рабов были распяты на крестах вдоль дороги от Рима до Капуи.

Безжизненно повисшее тело, окровавленные брусья... Крест... Зловеще звучало это слово в те времена. Распятие – позорная и мучительная казнь, которая представляла собой длительную пытку, неизбежно оканчивавшуюся смертью. Распятый испытывает страшную жажду от потери крови, раны его воспаляются, кровообращение нарушается из-за неестественного положения тела. Самых римлян эта бесчеловечная казнь приводила в содрогание. Закон запрещал применять ее к лицам, имеющим римское гражданство. Ее оставляли для рабов и покоренных народов. Крест был, таким образом, символом рабства, насилия и унижения.

Если бы в те дни восстал пророк, который предсказал бы, что недалеко время, когда крест станет знаменем Спасения и Божественной любви, его сочли бы безумцем.

* * *

В восемнадцатый год правления кесаря Тиберия у дороги близ Иерусалима римские солдаты в который раз пригвождали ко кресту руки и ноги осужденных. Их было трое. Над средним крестом прибили надпись «Царь Иудейский».

Но и римские палачи и фарисеи, предавшие на казнь этого Царя, не понимали, что совершается на Голгофе, Кого пронзили они, над Кем смеялись, стоя у подножия креста.

Дрожала земля. Солнце скрыло свой лик, чтобы не светить на безумие сынов человеческих. А они смеялись. Смеялись солдаты, смеялись священники, смеялись случайные прохожие на дороге. Даже разбойники, повешенные рядом с Сыном Божиим, издевались над Ним...

Три года Он ходил среди этих людей, три года облегчал человеческие страдания, учил Истине, возвещал Евангелие Царства Божия. Но они не хотели этого Царства. И римляне и

иудеи верили в царство мира сего, а Его Царство сходило с Неба. И вот теперь Он бессилен и опозорен. Он больше не будет тревожить их. Они довольны. «Сойди с креста!» – кричат они.

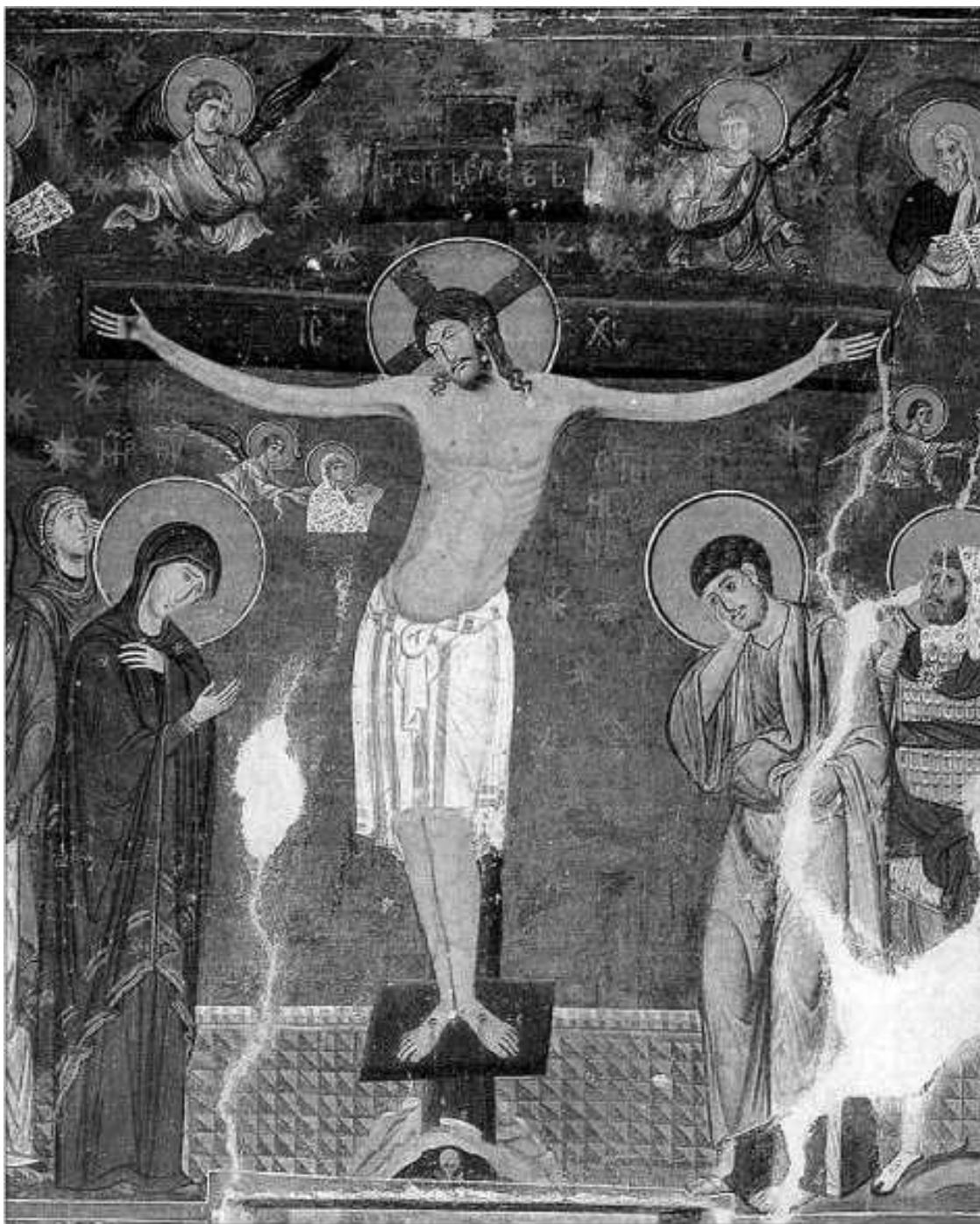
Вдруг один из преступников стал останавливать своего товарища, который повторял насмешки толпы. Может быть, его поразило величие Спасителя в момент казни, может быть, он слышал когда-нибудь Его проповедь; только он обратился к Распятому со словами: «Вспомни меня, Господи, когда придешь в Твое Царство». Запекшиеся уста Иисуса разомкнулись, и Он, все это время молчавший, произнес: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Поистине великие и знаменательные слова! Даже здесь, на кресте, оставался Он Царем!

Миновал полдень. Страшные минуты все ближе... Как молил Он Отца, чтобы миновала Его эта чаша! И все же Он добровольно принял ее. Не физические страдания заставляли Его скорбеть смертельно в Гефсиманском саду, – могучий дух побеждает страх смерти. Но Он принимал на Себя наши немощи и болезни, наш грех. Вся боль и проклятие веков, вся глубина падения человеческого, весь ужас богооставленности легли на Него.

Гефсимания была преддверием. Чаша только предносилась Ему. Он скорбел и тосковал до кровавого пота. «Да минет Меня чаша сия...»

Что испытал Господь в те ночные часы? Быть может, Он видел измену, неблагодарность и преступления столь многих Своих последователей: их нетерпимость, фарисейство, жестокосердие? Быть может, перед Ним проносились картины будущего: войны, расколы, гонения и насилия?..



Распятие

фреска церкви Богоматери в Студенице, 1208–1209 гг.

И вот Он на кресте. Тьма окутала землю. Он Один, покинутый людьми, и Он больше не видит Своего Отца. Нет слов человеческих для того, чтобы передать смертельный ужас этих минут. Здесь нужно пасть на колени и прислушаться к голосу, доносящемуся из мрака: «Эли, Эли, лима савахвани». Эти слова, вырвавшиеся из уст Божественного Страдальца, передают всю глубину Его душевных мук.

Сын оставлен Отцом... «Нас ради человек и нашего ради спасения...»

* * *

Римский историк той эпохи с презрительной лаконичностью писал о Голгофских событиях: «Христос был казнен в правление Тиберия прокуратором Понтием Пилатом, но подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму».

С непостижимой для язычников быстротой неслась по миру весть о «безумии креста». Иудеи требовали знамений, эллины искали философских доказательств, но в ответ они слышали: «Мы проповедуем Христа Распятого...»

Да, распятие, крест становятся символом Спасения. Орудие отвратительной казни возвещает всему миру любовь Бога к людям и прощение грехов. Ранами Сына Божия мы исцелились. Бесконечно возлюбив наш грешный мир, Он прошел через горнило нечеловеческих страданий для его искупления.

В христианском искусстве есть много изображений креста и распятия, но, пожалуй, самое прекрасное – это то, которое выработалось в православной восточной иконографии. Здесь мы видим Господа уже почившим: голова склонилась, глаза закрыты. Но самое замечательное – это руки. Они не безжизненны, они раскрывают объятия всему миру. Во всем покой, торжество, прощение. Победа над смертью уже предчувствуется. Он победитель.

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим...»

Свящ. А. Мень

ЖМП. 1960. № 9. С. 36–38

Святое святых



Это происходило в Иерусалиме в царствование Ирода Великого. Толпа народа окружала храм, ожидая прекрасного зрелища – шествия девушек в белых одеждах с зажженными свечками навстречу Иоакиму и Анне из Галилеи, которые вели ко храму свою дочь Марию. Еще до рождения Отроковица была посвящена родителями Богу. Дочь слез, молитв и обетования, Она родилась тогда, когда Ее отец и мать были уже седыми. Всю свою жизнь они просили Бога снять с них позорное клеймо бесплодия. Они терпели насмешки и унижения от окружающих, потому что бездетные считались у иудеев отвергнутыми и проклятыми. Праведная Анна многие годы терзалась жадой материнства, вид каждого ребенка вызывал у нее слезы, и даже гнездо с птенцами голубя возвращало ее мысли к проклятию, тяготеющему над ней.

В городе многие знали, как Иоакима оттолкнули, когда он приносил жертву от своих стад, как говорили ему, что он недостойн приходить пред лице Божие по причине своего бесплодия. Тяжело поразили праведного старца эти упреки. Ему стало казаться, что он действительно отвергнут Всевышним; а ведь в его жилах текла кровь древней династии Давида, и, как каждый член этого рода, он мог, согласно обетованию, надеяться, что станет отцом Избавителя – Мессии.

Но вот совершилось чудо: молитва престарелой четы была услышана. Бог даровал Иоакиму и Анне дочь, которую они обещали посвятить Ему. Исполнение своего обета они не стали откладывать надолго. Так естественно было бы ожидать, что родители не захотят скоро отдать свое чадо и лишиться Той, Которую они ждали долгие годы. Но мы видим обратное. Исполнение обета было для Иоакима и Анны не тяжелым обязательством, а великой радостью. Едва только Отроковица научилась ходить и говорить, родители объявили о своем решении отдать ее в Иерусалимский храм. В этой готовности жертвовать для Бога самым дорогим проявилось величие души тех, которые удостоились именоваться в веках «богоотцами».

Нужно думать, что и Сама Избранница Божия всей душой тяготела ко храму. Беспредельная любовь Ее к Господу, желание жить в лучах Его славы и любви сделали для Марии не таким тягостным расставание с родителями. Когда Она в окружении родных оказалась перед храмом, когда увидела процессию встречающих ее девушек и левитов, когда первосвященник появился в открытых дверях, Мария потянулась к нему навстречу и, оставив родителей, Сама поднялась по пятнадцати мраморным ступеням храма. Внезапно первосвященник, повинаясь непонятному порыву, взял Отроковицу за руку, ввел Ее туда, куда был закрыт вход женщинам, и, ко всеобщему страху и изумлению, вступил с Ней в то таинственное место, которое было скрыто от взоров всех тяжелыми складками виссонной завесы. Захария ввел Пречистую Деву во Святое Святых... Это было событие, ни с чем не сравнимое, необычайное и единственное. Нога женщины ступила туда, куда сам первосвященник входил лишь раз в год...

Что же такое Святое Святых? Что означал поступок первосвященника? Почему именно туда ввел он галилейскую Деву?



Введение во храм Пресвятой Богородицы

Суздаль, XVI век

Святое Святых можно считать символом всего дохристианского богопознания. Оно выражало самую суть древних религий: Бог вездесущ, но в то же время Он недостижимо далек от человека, сокрыт от него. Человек не может быть близок к Богу, Святое Святых для него – запрещенное место.

Но вот ангелы и люди с трепетом видят, как Дева входит во Святое Святых. Начинается новая эпоха...

* * *

«От одной крови, – говорит св. апостол Павел, – Он (Бог) произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли... дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (Деян 17.26–27). Много веков человек томился в состоянии богооставленности. Он искал Бога, Который был, казалось, так близко, – и не находил Его. Эта удаленность Неба, эта завеса, отделявшая вселенское Святое Святых от глаз человеческих, не была извечной. До грехопадения не было преград между Творцом и Его любимым творением – человеком. Только тогда, когда человек вышел из добровольного послушания Высшей Воле, огненный херувим преградил путь к дереву жизни. Мир погрузился во мрак, природа превратилась во враждебную человеку силу. Тот, кто мечтал «стать, как Бог», был обречен добывать свой хлеб в поте лица.

«Ты создал нас для Себя, и наше сердце мятется, доколе не успокоится в Тебе». В этих словах блаженного Августина заключается весь смысл религиозных исканий человека. Демонические стихии греха и смерти не смогли погасить в нем жажды богообщения. Искание Бога, тоска о Боге красной нитью проходят через всю историю религии, которая есть путь человека, возвращающегося трудными и извилистыми дорогами в дом отчий. Поиски шли вслепую: люди тщетно пытались проникнуть за завесу тайны; они всматривались в мерцающий ночной небосвод, прислушивались к шепоту леса, наблюдали полет птиц и бег облаков. Но вселенная хранила свою тайну.

И все же в памяти человечества смутно жило воспоминание о тех временах, когда Бог говорил с ним лицом к лицу. В религиях народов даже самых примитивных культур образ Бога Вседержителя лишь померк, но не исчез. Согласно вере австралийцев, пигмеев, дакотов и других «первобытных» народов, все божества – это только отдельные проявления и воплощения единой мировой Силы, единого Отца творения. То же представление жило в религиях древневосточных народов. Вавилонский бог Мардук и египетский Амон, индийский Варуна соединяли в своем лице всех богов, и язычество в конце концов сводилось к единобожию. О едином Промыслителе мира говорили многие дохристианские мыслители, в частности греческие философы Анаксагор, Сократ, Платон.

Но знание о Боге, вера в Его существование – это еще не религия, это не радость богообщения, не возвращение к Богу Живому. Святое Святых оставалось закрытым. Бог был так же далек от античных философов, как от первобытных охотников каменного века.

Даже в религии Ветхого Завета, которая пронесла через века искру истинного богопознания, Бог оставался далеким и недоступным. Неслучайно Его пребывание связывали с неприступными отрогами Синая. В тот день, когда над священной горой клубилось облако и грохотали громовые раскаты, вождь Израиля Моисей «вступил во мрак, где Бог» (Исх 20.21), а для народа была проведена черта, которую он не смел переступить. Он стоял вдали и ждал пока пророк вернется с Синая, чтобы провозгласить волю Всемогущего.

Когда был сооружен походный храм в пустыне – скиния завета, то в нем местопребывание ковчега и других священных предметов было закрыто от всех завесой. Здесь, во Святом Святых, сияла слава Божия, но люди оставались вовне, за чертой, как и у Синая. Этот же знак удаленности Неба, одновременно с *его* близостью, был сохранен в храме Иерусалимском.

Проходили века, золотые херувимы продолжали простираť крылья над таинственным ковчегом. Наконец, они исчезли, как исчезли жезл Ааронов и чаша с манной. Храм был разрушен. Но когда спустя десятилетия его восстановили, Святое Святых было создано вновь, хотя не было уже священных реликвий, которые в нем хранились. Как и прежде, первосвященник только раз в год переступал за черту, отделенную завесой. Бог незримо присутствовал там, но между Ним и людьми продолжала оставаться завеса.

Наконец, настает время, предреченное пророками. Небо должно открыться, Бог грядет к людям и простирает им спасающую десницу. И, как предвестие этого священного часа, явление Непорочной Отроковицы во Святое Святых Иерусалимского храма...

* * *

«Днесь благоволения Божия предображение и человеков спасения проповедание, в храме Божии ясно Дева является и Христа всем предвозвещает. Той и мы велегласно возопиим: радуйся, смотриения Зиждителя исполнение», – поет Церковь в день, посвященный этому великому событию. Это юное Существо, введенное Захарией в место присутствия Божия, уготовано Само стать одушевленным храмом. Пречистая Дева предназначена стать Матерью Богочеловека, Который откроет миру тайну Божию. Он не только научит людей истине, не только освятит их жизнь, но и прольет Свою кровь во искупление древнего первородного греха человечества. Хартия преступления адамова будет пригвождена ко кресту, херувим отступит от древа жизни. И в тот миг, когда совершится эта всемирно-историческая Жертва, когда «Чистейший из чистейших» испустит дух на Голгофе, подземный удар потрясет до основания здание ветхозаветного храма и разодранная завеса откроет перед глазами людей Святое Святых...

Отныне Небо открыто для каждого человека, стена разрушена, Бог простирает руки падшему человечеству: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

Свящ. А. Мень

ЖМП. 1960. № 11. С. 51–52

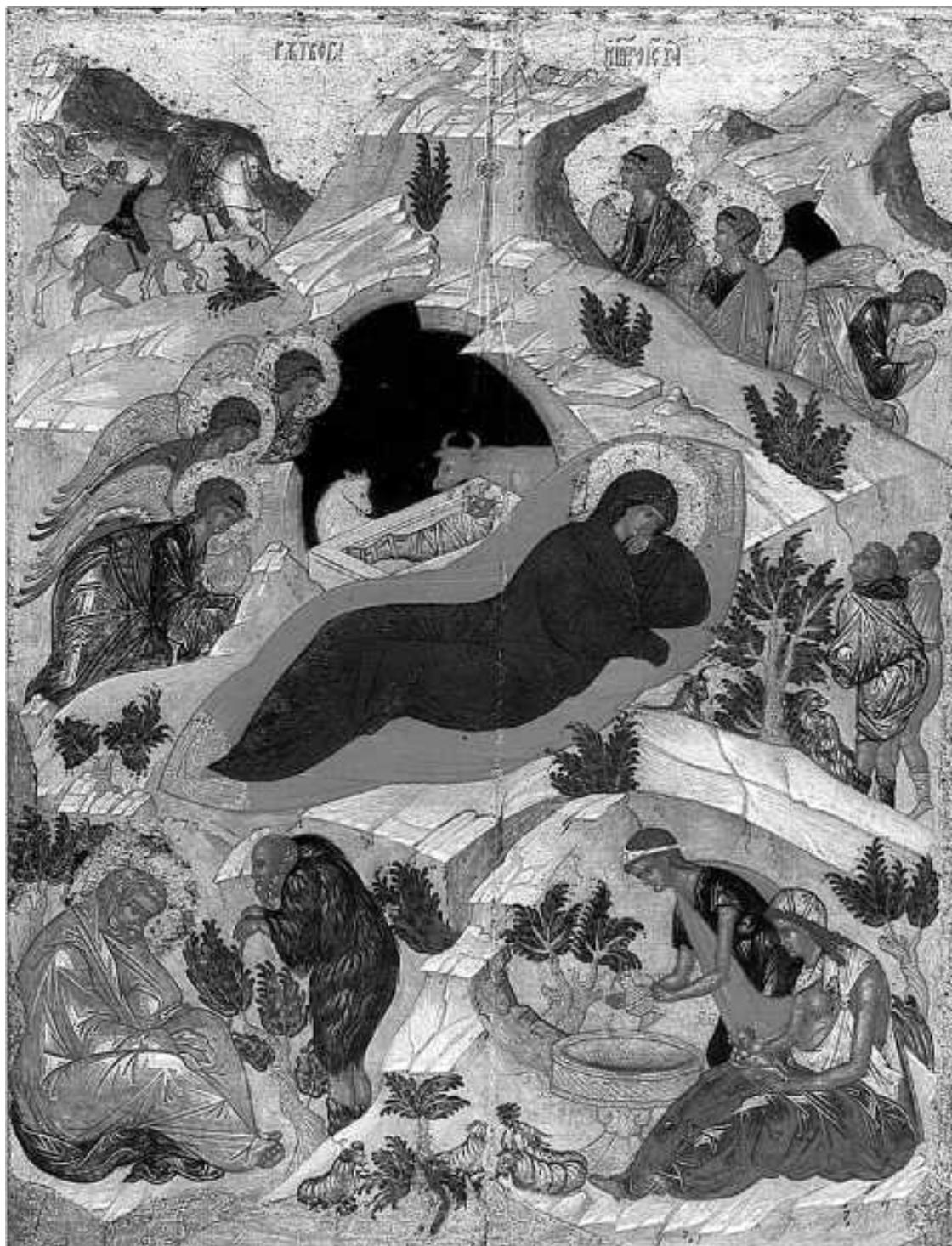
Навстречу христу

«Христос с небес – срящите!»

Вновь звучит над миром ангельская песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение». Почти двадцать веков отделяют нас от той святой ночи, когда впервые прозвучала эта ликующая песнь. С тех пор многое изменилось в жизни человечества: целые народы и империи сошли со сцены истории, возникали и вновь исчезали государства, знания людей о вселенной шагнули далеко вперед, во многих отношениях раздвинулся кругозор человека. В мире непрестанно чередовались социальные, военные и духовные потрясения, самый облик земли стал неузнаваем. Лишь одно осталось неизменным, как сама вечность, – это кроткий, но властный призыв, прозвучавший миру две тысячи лет тому назад.

Почему так волнует нас евангельский рассказ о Младенце, рожденном в убогом вертепе? Почему такая светлая радость озаряет наши сердца в праздник Рождества Христова? Быть может, причина этого кроется в воспоминаниях детства – воспоминаниях, связанных с тихо падающим снегом, запахом свечей и елки, с трогательными рождественскими напевами и звездными зимними ночами? Нет, не только память о детстве говорит нашему сердцу в день Рождества. Вечная, неумирающая сила этого праздника – в его всемирно-духовном значении. Это не простое воспоминание о давно прошедшем событии. Рождение в мир Богочеловека – факт вневременного значения. Таинство Вифлеемского вертепа совершается вечно. Миру, погруженному во тьму, «воссиял свет Разума», и сияние Его непреходяще.

Как тогда, так и теперь люди по-разному встречают грядущего Богочеловека. Тогда, в далекой Иудее, мир обернулся к Нему всей своей многоликостью. С тех пор шествие Христа непрестанно повторяет эту встречу, преодолевая текучесть и власть времени.



Рождество Христово

прп. Андрей Рублев

Перед многими закрытыми дверьми стучал Иосиф в надежде найти приют Пречистой Деве! Жители городка крепко спали, утомленные житейскими заботами и тревогами. Окна их домов были плотно закрыты. Бесчувствие и страх, боязнь стеснить себя делали их равнодушными к мольбам Марии, а если, наконец, и нашлись такие, что не отказали в убежище, то отвели место для Ее ночлега не в стенах дома, а в загоне для скота. Но разве так было только тогда, в далекие от нас исторические дни переписи Августа? Разве не повторяется то же самое из века в век? Сколько сердец испуганно затворяют свои двери, когда Христос стучится в них!

Одни боятся нарушить обывательский покой, стеснить себя; другие просто коснеют в лени; духовная жажда погасла в них, огонь веры даже не тлеет. Правда, среди людей есть и такие, которые не прочь отвести Богу некоторое место, но это место подобно забытым задворкам.

Но вот перед нами другая картина. Окрестности Вифлеема... Пастухи, расположившись под открытым небом... С непосредственностью детской веры принимают они ангельское благовестие! Это те люди, перед которым Истина открывается во всей своей покоряющей силе. Это те люди, которые не ждут, не медлят, не пускаются в долгие рассуждения, когда нужно действовать. Пастухи не стали долго обдумывать слова Ангела и колебаться – они немедленно поспешили в Вифлеем, чтобы посмотреть «о чем возвестил им Господь». И, придя, первые удостоились припасть к колыбели Спасения.

Но к этой колыбели ведут и другие пути. Навстречу Христу выходит древняя языческая мудрость.

Жители Иерусалима, привыкшие видеть пеструю толпу путешественников и богомольцев, вероятно, не обратили особого внимания на восточный караван, который двигался по улицам их города. Но вскоре все заговорили об этих чужеземцах, ибо стало известно, что они пришли поклониться Новорожденному Царю Иудейскому. «Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему», – говорили они. Кто были эти люди, которых наука о звездах привела в сретение рожденного Христа, мы не знаем. Но мы знаем, что в течение сотен веков до рождения Христа среди народов шла медленная подготовительная работа к восприятию света Евангелия. Смутное предчувствие истины, тоска по Богу внятно говорят во всех великих культурах древности. «Милосердый, милостивый

Отец, – начертано на глиняной табличке из Вавилонии, – в Твоих руках жизнь всей земли. Владыко, Божество Твое, как далекое небо, как широкое море, полно благолепия... Кто велик на небе? Ты Один». Древний Вавилон уже знал изречение: «Воздай добром тому, кто сделал тебе зло». Египет хранил свои великие традиции, уходящие в туманные дали истории, и проносил через века мистическое мироощущение и непобедимую жажду бессмертия.

Люди столетиями вглядывались в темное небо, прислушивались к голосу природы, и образ истинного Бога предстал перед ними, еще неясный и несовершенный. «Философия вела греков ко Христу», – говорил ев. Климент Александрийский. Путь мудрости более сознательный, чем путь детской веры, но это был и более трудный, окольный путь. Звезда вела волхвов сначала в Иерусалим и только потом указала путь к Вифлеему. Они не слышали ангельского пения, не видели сияния славы, они видели только звезду, которая мерцала в небе, указывая им желанную цель. Путь волхвов – тяжелый, длинный путь исканий, но они приходят все же к колыбели Младенца с драгоценными дарами в руках.

Это путь всех «умножающих познание», ищущих и обретающих Бога.

Но вот весть о рожденном Младенце доходит до престарелого царя Ирода. Жестокий и мнительный деспот с ужасом узнает, что чужеземцы расспрашивают на улицах города: «Где родившийся Царь Иудейский?» Для Ирода нет ничего страшнее, чем объявление его власти незаконной. В тревоге мечется больной старик, на совести которого – кровь любимой жены, сыновей, родных, у скорбного одра которого толпятся бесчисленные мрачные тени. Он вызвал волхвов, расспрашивал их о Рожденном, советовался со знатоками Писания. В помутившемся разуме преступника родился замысел новой кровавой расправы. Он готов был поверить, что Рожденный – обетованный Мессия. Но это не остановило его. «Пока я царь, – думалось ему, – никому не избежать моей руки, хотя бы и Мессии». Что было этому безжалостному идумянину до исполнения библейских пророчеств?

Последние дни Ирода ознаменовываются все новыми и новыми безумствами и злодеяниями. «Рахиль плачет о детях своих...» Но Того, Кого ищут палачи, уже нет в Вифлееме...

И во все века подобным образом «верующие» ироды горят злобой и лукавством. Они верят и ненавидят. Верят – и совершают надругательства над Рожденным Младенцем. Верят

– и жаждут Его крови. Не они ли в дни второй мировой войны разрушали храмы, истребляли невинных людей, совершали неслыханные преступления пред Богом и человечеством, кощунственно уверяя, что они с Богом? Не их ли образ вывел великий русский писатель в «Великом инквизиторе»?..

Звонят рождественские колокола, возвещая о великом таинстве рождения Искупителя мира. Вновь и вновь приходит Он в мир, вновь и вновь окружают верующие люди Вифлеемский вертеп, и никто из них не может остаться равнодушным к этому великому событию. Одни из них, будучи отягченными грехами, боятся Его или ненавидят, другие же в радостном предвкушении спасения присоединяются к ангельскому хору: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

Свящ. А. Мень

(с. Алабино)

ЖМП. 1961. № 1. С. 45–47

Спасение миру (размышления в день Сретения Господня)

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, из Тебе бо возсия Солнце Правды Христос Бог наш, просвещающий суция во тьме; веселися и ты, старче праведный, приемый во объятия Свободителя душ наших, дарующего нам воскресение».
(Тропарь праздника)



Во исполнение закона Моисеева о посвящении Богу первенцев мужского пола Св. Дева Мария и обрученный с Нею и считавшийся Ее мужем праведный Иосиф в сороковой день по рождении Богомладенца Иисуса «принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа» (Лк 2.22).

В Иерусалимском храме, куда они «принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд» (Лк 2.27), к ним приблизился седовласый старец. Взяв на руки

Младенца Иисуса, он произнес загадочные слова: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, Свет ко просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля».



Сретение Господне

Затем старец благословил изумленных родителей Младенца и, указывая на Него, сказал Матери: «Се лежит Сей на падение и на восстание многих во Израиле и в предмет пререканий (и Тебе Самой оружие пройдет душу) да откроются помышления многих сердец» (Лк 2. 28–35). Эти пророческие слова дают краткое определение сущности всей предыстории и истории христианства. Их услышала и бывшая тут же, в храме, старица Анна пророчица, которая, «подойдя, славил Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк 2.38). Кто же были эти люди, чего они ждали, кого узнали они в Сыне бедной галилейской

Женщины? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться ко временам глубокой древности.

* * *

Человек, по свидетельству Откровения, обладал вначале способностью к непосредственному богопознанию и властью над тварным миром. Духовная катастрофа (грехопадение) изменила его естество и роковым образом повлияла на отношения человека к Богу; между Небом и землей легла пропасть. Природа стала для человека враждебной силой, с которой он принужден был вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Следствием грехопадения явилась духовная смерть, прекращение богообщения. Жажда этого богообщения продолжала, однако, жить в падшем человечестве. Религия пыталась связывать то, что было разорвано грехом.

В сознании древних людей, как следствие первоначального Откровения, была еще вера в Единого Творца мира. Но постепенно, с ростом греховности, эта вера у многих народов стала исчезать, заменяясь поклонением силам природы, что вело к еще большему моральному падению (Рим 1.21 и след.). Широкое распространение в древности получили жестокие и изуверские культы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.